

ВАСИЛИЙ АЛОЕВ

ЭТОТ МУЖ

стихотворения

Киев
Друкарский двор Олега Федорова
2016

УДК 821.161.1'06(477)-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5
A51

АЛОЕВ В. М.

A51 Этот миг, сборник стихов в авторской редакции. – К.: Друкарский двор Олега Федорова, 2016, - 180 с.
ISBN 978-617-7380-33-6

Сборник издан при содействии Федерации пауэрлифтинга Украины. В книгу вошли стихотворения замечательного киевского поэта Василия Алоева. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1'06(477)-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5

ISBN 978-617-7380-33-6

©Алоев В. М., 2016
©Издатель Федоров О.Н., 2016

К ПУТЕШЕСТВИЮ В ПОЭТИЧЕСКУЮ СТРАНУ ВАСИЛИЯ АЛОЕВА

Я “пересёкся” со стихами Василия Алоева в одном из многочисленных литературных сообществ Интернета. Стихи – что называется – “зацепили”... Появилось желание узнать о его творчестве и самом авторе больше и глубже. Благо, “мировая паутина” обладает о многих из нас определённой информацией. В полной мере сказанное касалось и Василия Алоева.

В итоге я прочёл его стихи, неизвестные мне ранее, услышал песни, написанные на некоторые из них, в том числе – “Листопад”, которая мне сразу понравилась. А когда выяснилось, что живём мы с ним в одном городе – славном Киеве, произошла и личная встреча. Со временем у нас сложились добрые дружеские отношения...

Я был откровенно поражён, узнав, что стихи Василий пишет совсем недавно, каких-нибудь 7-8 лет. Это как-то совершенно не увязывалось не только со значительным количеством написанного (хотя этот признак – как известно – отнюдь не всегда показатель творческой состоятельности поэта), но и мастерством отделки большинства произведений и их смысловой глубиной! Однако когда я ознакомился с первым сборником Василия Алоева (“Дом памяти”, Киев, 2006), а позже – рядом ранних стихов, “рассеянных” в нескольких коллективных поэтических сборниках, изданных в Украине и России, я вполне осознал, какой удивительно большой путь творческого совершенствования прошёл поэт за крайне незначительный промежуток времени.

А ведь в совсем недавнем прошлом, “допоэтический” Алоев – известный спортсмен, мастер спорта по тяжёлой атлетике и силовому троеборью, руководивший продолжительное время Всеукраинской федерацией пауэрлифтинга, и, конечно, не помышлявший – как признавался сам Василий – о поэтическом поприще. Но это – произошло...

К составлению сборника “Этот миг”, который ты, уважаемый читатель, держишь сейчас в руках, поэт подходил не спеша, вдумчиво и – я бы сказал – трепетно, тщательно отбирая произведения, полагая, что этот сборник должен стать неким итогом всего им написанного. В нём – более полутора сотни стихотворений. Этого (смею утверждать) – более чем достаточно, чтобы получить представление о поэзии того или иного автора.

Диапазон Алоева-поэта – широк и многообразен. Стихи тематически представлены 15-ю циклами, из которых я бы особенно выделил несколько. В цикле “Её лиричество любовь” – перед нами проникновенный лирик, изысканно, волнительно и вдохновенно пишущий о чувствах к Женщине. Человеком, любящим и тонко чувствующим Природу, умеющим сказать об этом оригинально и проникновенно, предстаёт автор в цикле стихов “Мелькает вечность временами года”. Философическим размышлениям о жизни, своём месте в окружающем нас мире посвящены многие строки цикла “Доминанта”. Современные, остроумны, а порой – и едки – стихи сатирико-юмористического цикла “Житейское”. А как хорош цикл “От шестнадцати и младшим”, поражающий знанием детской души, добротой, чистотой и искренностью!

Стихи Василия Алоева – в первую очередь, конечно, лиричны... Но не только. Многие из них отличаются динамизмом, свойственным нашему быстронесущемуся времени, крайне актуальны и интеллектуальны...

Я получил большое удовольствие от знакомства с новым сборником поэта.

Приятных впечатлений и тебе, дорогой читатель, на путях поэтической страны Василия Алоева!

*Сергей Скорый,
член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым,
Союза русских писателей
Восточного Крыма*

ЭТОТ МИГ

Этот миг летописцы седые не впишут в анналы -
Промелькнёт, за собой не оставив ни звука, ни шлейфа.
Расплатиться пришлось за мгновения радости “налом”,
Сладким трепетом сердца, и это не может быть блефом.
Не всегда успевают глаза разглядеть всех картинок,
Переправить их слайдами на сохранение в память.
Ускользнувшего жаль, но всего не судилось постигнуть,
Остаётся лишь то, что невольно подсмотрено нами:
Беззаботный кузнечик, забавная божья коровка
На цветочном лугу, стрекоза-вертолёт над водой
Скрытой ивами речки, берёзы в серёжках-обновках,
И улыбка счастливая мамы, совсем молодой.
Впечатления жизни... Казалось бы : сколько в них проку? -
Ни еда, ни одежда, ни новенький автомобиль.
Но приходит пора и они выливаются в строки
Задуманных стихов, где соседствуют небыль и быль.

ЕЁ

ЛИРИЧЕСТВО

ЛЮБОВЬ

ВХОДЯЩАЯ В УТРО

Нарисую море синим,
Небо выкрашу лазурью.
Стаю чаек и дельфинов,
Что с волною балагурят,
Парус возле горизонта,
Пляж, на нём тебя босую
Вдаль идущей нарисую
В платъе ситцевом, под зонтом,
Словно парус белоснежным.
Ветер трепетно и нежно
Завитки волос ласкает,
И крадёт волна морская
У песка твои следы.
Блики солнца от воды
На коленях и на бёдрах
Отражаются бесстыдно.
В утро весело и бодро
Входишь с лёгкостью завидной.

ЖЁЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Были напрасными наши старания -
Под листопад и мелодии осени
Снова туманы сменились обманами.
Я не скажу как, а Вы и не спросите.
Жёлтые листья с прожилками броскими;
Недоумения, непонимания ...
Вы в том же платье поплиновом с блёстками,
И, как тогда, не готовы к признанию.
Ветер порывом испортил причёску Вам.
Право, напрасно пугаетесь проседи.
Можно сплести ваши волосы косами.
Я бы заплёл их, но Вы не попросите.

ВЕРЬ

Сновиденьям своим верь,
Пусть сегодня не по себе.
В сад зелёный открой дверь.
Птицы там, на ветвях - две.

Птица “раз” пропоёт блюз,
И усилит слегка грусть.
Стон сорвётся с твоих уст,
Не пугайся его - пусть.

Птица “два” будет петь гимн
Про загадочный твой лес.
Ты увидишь во сне фильм,
В нём о светлой любви весть.

Очень скоро войду я
В удивлённый тобой сад.
На густую траву сядь,
Небесам подари взгляд.

Ты меня подожди здесь,
И глаза подними вверх.
Твой сегодня весь мир – Весь!
В небе белый журавль – стерх.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ВАГОН

Перрон пестрит людскою суетой,
Баулами, дымами сигаретными.
Там женщина в распахнутом пальто
С глазами серо-карими ответными.
Слезой отмечен лацкан пиджака
И запахом духов её с перчинкою.
Тепло руки хранит ещё рука,
И губы вкус прощания с горчинкою.
Под ложечкой разлуки тихий стон -
Невольный диссонанс колёсной музыке.
Там женщина в распахнутом пальто,
В стихах недавних названная музою.
Мелькает кинолентою перрон,
Из виду уходя в конце концов.
Танцует степ двенадцатый вагон.
Холодный встречный ветер бьёт в лицо.

* * *

Опали лепестки с бутона белой розы.
Расхлюпался тоской залуженный перрон.
Сбегают по щекам непрошенные слёзы,
И провожает взгляд двенадцатый вагон.
Короткий поцелуй, согревший было губы,
На них оставил вкус похожий на вино.
Под перестук колёс стучат чечётку зубы.
Над городом туман сгущает пелену.

НЕ УХОДИ

Опять звучит романс “Не уходи”,
А дождь всё льёт без устали, без толку.
Щемит от безысходности в груди
И взгляда с фотографии на полке.

Банально не сложилось, не смоглось,
И души не спаялись воедино.
Мотив знакомый, словно в горле кость,
И за окном дождливая картина.

Букеты роз на телесах гардин,
На письменном столе обрезки хлеба.
Скупой мольбой романс “Не уходи”
Летит в просвет затученного неба.

КОРОЛЕВА ВОСПОМИНАНИЙ

Гром затих, грозových заклинаний
Отгремев сорок раз чёт и нечет.
Королевою воспоминаний
Ты была в этот пятничный вечер.

Память перебирала картинки,
Антологию счастья былого.
Но обида на половинки
Разрывала их снова и снова.

Зарисовки минут озарений,
Что вдвоём испытали когда-то,
Строки писем и стихотворений
Улетали во тьму без возврата.

И, глотая солёные слёзы,
Еле сдерживаясь от стенаний,
Ты пыталась вернуть эти грёзы
Королева воспоминаний.

АДАЖИО

Луна серебристым диском
Плывёт в шелковистой мгле.
Лёд тает в забытом виски.
Закутаны ноги в плед.
“Адажио” Альбинони...
И ты в полутьме одна.
Под музыку сердце стонет.
Привычная ночь без сна.
Настенную пантомиму
Показывает свеча.
Приют в сигаретном дыме
Не может найти печаль.
Едва удалось согреться -
Характер озноба твёрд.
Но иней покинул сердце,
И, значит, оно живёт.
Рассвет прикоснулся нежно
К забывшейся сном земле,
И первым лучом надежды
К закутавшей ноги в плед.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Распорядилась по-своему вечность,
День с тёмной Ночью давно влюблены.
Вечером, утром - короткие встречи,
Чьей бы-то ни было нет в том вины.

День, распалённый лучами светила,
Мчится с букетом из розовых роз.
Ах, как бы Ночь его сильно любила!
Вечер недолог, обидно до слёз.

Словно в тюрьме, на свиданье коротком,
Пара минут сквозь заката стекло.
Время твердит, по-военному чётко,
Несколько раз, что оно истекло.

Осенью - дождь, а зимою - метели,
Этой порою День с Ночью грустны.
И, пребывая в тоске до апреля,
Ждут равноденствия, новой весны.

Лишь две недели, на севере, в мае
Эти влюблённые счастливы очень.
Нежно друг друга они обнимают,
И превращаются в белые ночи.

Я ЛЮБЛЮ

(перевод песни Сальваторе Адамо "J' aime")

Я люблю игривый ветер
В золочёных волосах
Лучшей балерины лета
Загулявшей в чудесах.

Я люблю встречать у двери
Твой восторг к исходу дня,
И твоим объятьям верить
На коленях у меня.

Я люблю вечерний сумрак,
В дом крадущийся, как вор,
Что заранее задумал
Нашей грусти воровство.

Я люблю твои ладони
В зазвеневшей темноте,
И, когда твой голос тонет
В ожидаемой мечте.

Я люблю в глазах слезинки
Счастья милой госпожи,
И, когда мой лоб в ложбинке
На груди твоей лежит.

РОСИНКА

На тонкой травинке росинка спала:
Прозрачна, беспечна и очень мила.
Подул ветерок, на багряный цветок
Скатилась она, вместе с ней лепесток
Упал и смущённо алел на земле -
Росинка была сновидений милей,
Где ласки лесных паутинок ловил.
Он плакал от радости первой любви.
Лучи золотые - меж кроны берёз -
Его отозвали из сладостных грёз.
Любимую выкрал полуденный жар,
Она превратилась в невидимый пар.
Свернулся от горя, засох лепесток.
Под ним зародился былинки росток.
Он вырастет, и повторится всё вновь:
Росинка, цветок, лепесток, и любовь ...

МАМЕ

Мама, шлю тебе привет родная.
Как погодка в ваших небесах?
Вряд ли ты сейчас меня узнаешь
Из-за седины на волосах.

Мы в тот скорбный день не попрощались,
Оправдания искать не буду.
Ты по телефону обещала
До субботы одолеть простуду.

Пережив великую потерю,
Самую жестокую из бед,
В лучшее по-прежнему я верю,
И с любовью помню о тебе.

Вновь перед глазами дни из детства:
Как с отцом в реке ершей удили,
В небольшую рощу, по соседству,
По опята осенью ходили.

Я тебе, единственной подруге,
Доверял надежды и печали.
Ты из плена замкнутого круга
Словом материнским выручала.

По ночам ко мне приходишь часто,
О своей любви напоминая.
Не подумай, будто я несчастлив.
Жизнь сложилась, не нужна иная.

Трудно без тебя, так трудно, мама,
Без твоей улыбки и совета.
Ни письма послать, ни телеграммы,
И не получить на них ответа.

От нападок зла оберегаешь,
И отводишь в сторону беду.
Мама, знай, однажды, дорогая,
Я приду, и там тебя найду.

ДОМИНАНТА

В КРУГЕ

Иллюзия – постичь земное счастье
Тащила безутешный мир на дно.
Веками шёл с непримиримой страстью
Спектакль “ничто не вечно под луной”.
Зло на себя тянуло одеяло,
Сокрывать, надеясь, основной порок.
Сражалась кривда с “вас тут не стояло”
За утлый и отнюдь не царский трон.
Натягивались фибры тетивами.
Грехи сбивали с главного пути.
Слова не перестали быть словами,
Но силы разбазарили почти.
Надежда с верой, потеряв подругу,
Подслеповато тыкались в быльё.
Когда-нибудь, вне замкнутого круга,
Они отыщут всё-таки её.

ТИШИНЕ

Захотел отыскать тишину
В затаённом дыхании ночи.
Мне хватило бы пары минут,
Чтобы в ней написать восемь строчек:
Об ушедшем в прошедшее дне,
О восходе его и закате.
Но и ночь не могла в тишине
Ничего слышать кроме стаккато.
Тишина мне подругой была,
Откровенной, любимой мною.
У неё был особый талант -
Быть заветной моей тишиною.
Приключения в детстве вдвоём
Под карманный фонарик читали,
И мечтали о том, что плывём
В никому не известные дали.
В чередё незаконченных дел
Повседневность расставила сети.
Я уход тишины проглядел,
И пропажи её не заметил.
Сердце вновь непокой берёдит.
Ночь привычно проходит без сна.
Погостить до утра приходи,
Побеседуй со мной, тишина.

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО

Уколами ежовых рукавиц
Отмечена душевная изнанка.
Сражение с собою (схватка-блиц)
Проиграно позорно спозаранку.

Печаль привычна, словно ремесло.
Унылость мысли в лабиринты гонит.
Сегодня мне безмерно повезло,
Что сам собою хоть немного понят.

Надежда перепуганную суть
По-пастырски на белый свет выводит,
И гейзер чувств переполняет грудь,
И сердца стук с душой созвучен вроде.

Взошла звезда над кромкою зари.
Ещё не поздно всё начать сначала,
Где птица счастья преданно парит,
И музыка любви не отзвучала.

БОЙ С СУДЬБОЙ

Принимаю покорно “под дых” апперкот,
Понимая бессмысленность прений.
Жду спасительный гонг - передышка грядёт.
Только бы не упасть на колени!

“Боковыми” отменно владеет партнёр,
Визави по финальному бою
Неподкупен, безжалостен, груб и хитёр.
Жребий свёл в поединке с судьбой. Я

Уклоняться пытался, порхал “мотыльком”.
Не спасала “глухая защита”,
Бил соперник по слабостям, как молотком,
Ухмыляясь при том нарочито.

Аргументы мои разметал в пух и прах -
Подготовлен он лучше намного.
Град ударов терпел и немислимый страх -
Не упасть в состоянии “гrogги”.

Вот и гонг, наконец.
Жест судьбы: - По углам!
Быстротечна минута покоя.
В голове несмолкаемый гул и бедлам.
И нет права на выход из боя.

В центре ринга скомандовал рефери: - Бокс!
Новый раунд, по счёту десятый.
Левый пушечный “свинг” - Устоял?! (парадокс)
И нокаута не огласят мне.

Искры брызжут из глаз. Пот струится с лица.
Мысль рефреном: – Не сдаться, не сдаться!
Нужно мне этот бой довести до конца,
И живым постараться остаться.

Словно панцирем, коркой покрылась душа
От бесчисленных сильных ударов.
Пусть на ринг полотенце бросать не спешат.
А пока, перерыв, как подарок...

КУТЕРЬМА

Не свести концы с концами
В непрестанной кутерьме.
Спорят дурни с мудрецами
О суме и о тюрьме.
Априори горько-сладко
Житие, как дикий мёд.
Не фартит до сласти падким:
“Око видит - зуб неймёт”.
Укрощает простота и
Тех, кто верил, что умён.
Время, с кутерьмой сплетаясь,
Ни минуты не займёт.

НА СТАРТЕ В ЗАВТРА

Размер границ условен – “от” и “до”.
Раздраены компьютерные глюки.
Задирист уважаемый Подол,
Избавленный дождями от пылики.

Уходит время ведомо куда,
Не глядя на условные границы.
В отрыве от реалий календарь
В распыл пускает даты на страницах.

Системою весов систему мер
Никто по первой просьбе не заменит.
Как ни считай: Ноль пишем, два в уме,
Останешься рабом недоумений.

Отмерено, отвешено, как раз
От сих, до сих, без пущих вождлений.
У жизни плагиатором матрас
Отмеченный печатью поколений.

Колено непреклонно в колею
Не привелось внедриться умудриться.
Закупорен джин-циник в сулею,
Без шансов отчебучить “гопцу-дрицу”.

У разума долги перед душой,
Отложенные снова в долгий ящик.
На старте в завтра беговой мешок,
И ветерок напутственный, бодрящий.

КУКУШКА

Рассветные ветры сдувают прошедшего стружку
С души, хоть она неподвластна хронометражу.
Не надо считать мне года, что остались, кукушка.
Дай по лесу, тихо насвистывая, поброжу.

Извилистой тропкой дойду до заветной опушки,
Прилягу на травку и в небо взахлёб нагляжусь.
Опять ты кукуешь, дотошная птица-кукушка.
Дай, глядя на небо, насвистывая, полежу.

Закатное солнце, зевая, скатилось за кроны.
Знакомой тропинкой к дороге домой выхожу.
Кукует кукушка по-прежнему неугомонно.
Спасибо, пичуга, я счётом твоим дорожу.

ПУСТОТА

Вечер пятницы вновь непогож.
С понедельника город простужен.
За окном лихорадочный дождь
Пузырьки выдувает на лужах.

Шум дождя навевает печаль,
Записную товарку несчастья.
До сигнала будильника - час,
Полтора - до похода в ненастье.

Непонятно: когда и зачем
Непреложное спуталось с ложным?
Бесприютной, ненужной, ничьей
Оказалась любовь безнадёжно.

Нет возврата к былой чистоте,
И возможности выправить к свету.
От немых до отчаянья стен
Не дождаться ни эха ответа.

Мочит чопорный дождь день-деньской
Престарелый асфальт переулка,
Неуёмной махровой тоской
Пустота отзывается гулко.

ТОСКЕ

Не кружи, тоска, чёрным вороном,
Не отдай в полон думам тягостным.
Душу мне не рви во все стороны,
Дай пожить легко в мире радостном.
Не судилось мне счастье полное,
Только лучики, только проблески.
Быть хотелось мне птицей вольною,
Воспарить в лазури над пролеском.
Пронеслись деньки, как мгновения,
Но за долюшку мне не соромно.
Насладиться дай песнопением,
Улетай, тоска, чёрным вороном.

МЕЩАНСКИЕ ГРЁЗЫ

Снова колокольцем зазвучал он -
Зов мещанства из глубин души.
...Ходики заботливые к чаю
Строго призывают поспешить.
Томно самовар пыхтит пузатый
На веранде домика в селе.
На дворе мечтательная затишь.
Пироги и плюшки на столе.
После запоздалого обеда
Несколько стеснительных зевков,
С пожилой хозяйшкой беседа
Ни о чём до поздних петухов.
Разомлев от выпечки и чая,
Руки положив на грудь крестом,
Вдруг за разговором замечаешь
Поволоку окон темной.
Чопорно двенадцать отбивают
В горнице старинные часы.
Кот на дерматиновом диване
Умывает важные усы
Чёрной лапой с белой рукавицей.
Небо сыплет звёздные дары.
Тишина. Не скрипнет половица.
На дугу заречном жгут костры.

НЕСКУЧНО ЖИТЬ

Нескучно жить! И это хорошо!
Да, и когда скучать - такая спешка:
Забот невпроворот, проблем мешок,
И недоделок полная тележка.

Пока не грянул гром, повременим
Креститься, поминая небо все.
Порывы есть, свободой горим,
И гоним от себя к чертям "косую".

А если клюнет жареный петух,
Или возникнет шило в оном месте,
Отправимся в поход - искать мечту,
Горланя на ходу стихи и песни.

БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Счастье - оно большое,
Или росточком с ноготь?
Мне бы его душою
Хоть бы разок потрогать.

Манная каша - в яслях;
В классе – гранит науки,
Рядом на парте Насти
Русоголовой руки.

Школьные дни-картинки:
Юности - до отвала!
“Счастье моё...” - пластинка -
Хит выпускного бала.

В цели с упорством метим,
На неуспех серчаем,
“Гоним коней” - за этим
Счастья не замечаем.

А ведь оно большое,
Счастья вокруг так много!
Я его всей душою
Трогал, и буду трогать!

Я ХОЧУ

Я хочу оды петь рассветам,
И разгадывать сны луны,
Слышать сердце, его советы,
И не мучиться от вины;

Чтобы двери моей квартиры
Обходил стороною вор,
И, когда-то, последний в мире
Я хочу повалить забор;

Я хочу чтобы Бога Слово
Повторялось во всех устах,
И, когда-нибудь, людям снова
Привелось увидеть Христа.

Чтобы Он ниспослал прощенье
Им за многие их грехи.
Чтобы вечно любви священной
Посвящали они стихи.

ПОВРЕМЕНИ

Повремени, время,
Дай, надышусь вволю.
Не облегчай бремя,
Не разлучай с болью -
Дольше терпеть стану.
Не посыпай солью
Ран на душе рваных.
Перекажи-поле,
Кто, как не ты, знает
Всё о людской доле,
Что впереди с нами
Произойти может?
Не покидай, Боже.
Вкус у грехов горький.
Не оставляй с ложью
Наедине только,
Верить не дай лести.
Даруй предстать с честью
Перед Судом Страшным.
Славе Твоей песню
Прежде конца даждь ми*
Спеть в унисон с полем,
С другом моим лесом.
Боже, в Твоей воле
Прочь отогнать бесов.

*(дай мне) с церковно-славянск.

ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ

Стужа сменяется вешним дождём,
Снова старушка-зима захромала.
Время летит, нерадивых не ждёт.
Времени вечно до одури мало.
Время – задолженность чистой любви
Выплатить строками стихотворений.
Время - ошибкам счета предъявить.
Честно покаяться – самое время.
Время - себя отыскать, наконец,
И усмирить неуёмную душу.
Время - мечтать о заветной стране,
Где целомудренный мир не нарушен.

Безостановочно стрелка секундная
Крутится на циферблатной оси.
Выразить прозой невысказанно трудно мне
То, что стихами дано доносить
Непокорённому кругу читателей
Мною пока ненаписанных книг.
Им не прочесть мемуаров мечтателя,
Просто в стихах не бывают они.
Более трёх с половиною глобусов –
Сумма измеренных в прошлом дорог:
На поездах, в самолётах, автобусах,
В автомобилях, трамваях, метро.
Не уместить впечатлений о прожитом
В рамки брошюры на сорок страниц.
С жизненной прозой, похоже, не сложится -
Жалко менять журавлей на синиц.

Давно претит стремление к вершинам
Успеха ради и во весь опор.
Не обладаю собственным аршином,
Приверженностью к общности с толпой.
Под солнцем не займу чужого места,
И не укроюсь в чьей-либо тени.
Нет притязаний на особость теста.
Но тишина порой во мне звенит
Восторженно, молитвенно, достойно,
Божественной созвучно доброте.
Оценивать Ему - чего я стою.
Ему виднее - Он на высоте.

Пролетают дни перед глазами,
Догоняя вереницу лет.
Ненадолго зимний вечер замер
И растаял в полуночной мгле.
Безвозвратно отдаляют годы
Безоглядной молодости свет.
А в судьбой потрёпанной колоде
Джокера давно в помине нет.
“Не жалею, не зову, не плачу...”
Жизненным эпитафием возьму.
Ни к чему пьянящий вкус удачи,
Неудачи тоже ни к чему.
Незачем протаривать дорогу,
Предопределён с купели путь:
По ступеням исповеди к Богу,
И с него невзгодам не свернуть.
Только не остынуть бы душою,
Язвами грехов переболеть,
Разум суетою не зашорить,
Сердцем не запутаться во мгле.
Вычитать накопленную память
Пристально, до каждой запятой,
Отослать стихи на небо маме
О любви и подвести итог.

ВОСТОРЖЕННЫЙ МИР

За молитвою вслед заскрипел заржавелый засов
На чугунной двери, и открылся восторженный мир.
С гор текли ручейки, разбиваясь на сто голосов,
Наполняя палитрой мелодий прозрачный эфир.
На столе из гранита стояли весы, а на чашах весов
Упокоились ветхие книги. А чуть впереди
Время мерно струилось из верха песочных часов.
Седовласый старик с бородой, облаченный в подир,
Опираясь ладонью на посох, глядел в небеса
Отрешенно, и что-то неслышно шепча.
Под зелёным холмом расцветал апельсиновый сад.
Непугливая лань наклонилась над звоном ручья.
Шаг боялся ступить я, коснуться дубовых перил,
Опасаясь нарушить незыблемый, вечный покой.
Чуть дыша, осторожно чудесную дверь притворил.
Показалось в тот миг, будто старец махнул мне рукой.

МЕЛЬКАЕТ ВЕЧНОСТЬ

ВРЕМЕНАМИ ГОДА

Умиляются солнышком крыши
Окрылённых отрадой домов.
Ветер отзвуки неба колышет.
Солнце ставит на город клеймо,
Называя излюбленным местом
Развлечений своих озорных.
Оглашают округу невестой
Вдохновенные свахи весны.

ЩЕДРЫЙ ДЕНЬ

Май расставил ловушки каштанов,
Сети зелени киевских круч.
Солнце щедро себя распластало,
Ухмыляясь над тучностью туч.
Дню, с рассвета готовому к диву,
Был по нраву подобный искус,
Он смеялся, бравурным мотивом
Будоражил Андреевский спуск.
Шпили “Ричарда - Львиного сердца”
Щекотали бока облакам.
День распахивал тайные дверцы
И туда за собой увлекал.
Ветерок по блестящей брусчатке
Лепестки белоснежные гнал,
Их дарила прохожим на счастье
Увлечённая маем весна.
Заходящее солнце кричало
Дружелюбно : До встречи! Бывай!
Вечер вывел к речному причалу
На последний плавающий трамвай.

МИГИ ВЕЧНОСТИ

Мелькает вечность временами года.
На быстроту бессмысленно пенять.
Конец июня. Чудная погода.
Взрослеет мир с послушностью ягнят.
Моргнуть успеешь - прочь июль и август,
Ждиосени негаданный приход.
Лелеять грусть положено по рангу
Предвестнице лирических стихов.
Под старость губы выкрасит помадой
И умастит румянами лицо,
Но смоеет грим лосьоном листопада,
Кокетничать устав в конце концов.
Заявится, юля и балагурия,
Кочующая с севера на юг
Зима, кругом сугробов наснегурит
Под аккомпанемент волюнок вьюг.
И вновь весна обманет вдохновенно
Капелью и ручейным баловством,
Дурмящим восторгом перемен, и
Духмяным приворотным колдовством.
Листает жизнь природные сезоны
С беспечностью безусого юнца.
И сетовать на это нет резона –
Повторам обновлений нет конца.

ЮВЕЛИРНОЕ УТРО

Ювелирное светило
Небо в чувство приводило
Бриллиантовым рассветом.
Расстиралось бабье лето
По дворам и переулкам.
Город, восхищённый дивом
Умилительной прогуки
Улыбался так приветно,
Что хотелось с ним в обнимку
Побежать мечте навстречу.
Очень жаль, что фотоснимка
Утра было сделать нечем.
Записать успел словами,
Как сумел, картину эту.
Сердце бодро напевало:
Бабье лето, бабье лето!

ЛИСТОПАД

Неслышно падала листва,
Асфальт багрянцем укрывая.
Под перестук колёс трамваев,
Узнавших сладость сновидений,
Рабочий день своё рожденье
Решил отметить листопадом.
Он, без претензий на браваду,
Сорвав попону ночи чёрной,
Игрой с луною увлечённой,
Вступал в рассветные права.
Неслышно падала листва...
И мёл её по эспланадам
Лениво, как заправский дворник,
Всю ночь гулявший по планете,
Похмельем утомлённый ветер,
С тоской не ведущий родства.
Неслышно падала листва...
Был понедельник, или вторник,
Возможно даже двадцать третье.
И в память об ушедшем лете,
День обещал быть тих и светел.
Восток алел едва-едва.
Неслышно падала листва...
Заря над крышами домов
Зардеться вовремя сумела.
И в этот час глухонемой
К земле приникшая трава
Покрылась инеем несмелым.
С небес струилась синева.
Неслышно падала листва.

ПОД УТРО

Под утро подморозило слегка,
Но с первыми лучами потеплело.
И, словно достопамятный Макар,
Гнал ветер стадо облаков налево.
Слыла валютой осени листва,
Сравнимой с мнимым золотом цыганским.
Слезам никак не верила Москва,
Есенинское помня хулиганство.

РЫЖАЯ

Осень - рыжая бестия
Снова прислала известие,
Пишет: тоскует и плачет,
Будто о ней все судачат,
Сыплют словечки нелестные:
- Гляньте, гулящая бестия!
Ей я отвечу, мечтая:
- Рыжая? Нет! - Золотая!

ЭТА ОСЕНЬ

Эта осень казалась нескромной,
Властной павою шла по земле.
Ей хотелось ещё до Покрова
Стать царицей лесов и полей
Величавой и самовлюблённой,
Словно девы известной поры.
Ни роскошное золото клёнов,
Ни ушедшего лета дары
Не могли быть за молодость данью,
Увядания остановить.
Осень неугомонно рыдала
О непознанном счастье любви.
Под финальный аккорд листопада
Ветер волком затравленным выл.
И последнее яблоко сада
Пало полночью в ворох листвы.

ВИЗИТ

Под снегом лиственный покров.
Грустил Ноябрь.
К полуночи пришла Любовь -
Гуляла рядом.
Её с опушкой пальто
Бело от снега,
Лицо под шёлковой фатой
Сияло негой.
Скромна обитель Ноября,
Пропахла тмином,
На секретере свечек ряд.
В огне камина
Поленья клёна и ольхи,
Горя, трещали.
Любовь прочесть свои стихи
Пообещала.
Не замечали визави,
Как дни летели.
Любовь читала о любви
Стихи Апрелью.

МИМИКРИЯ

Ничего не проходит мимо
Мимолётной грустинки взгляда.
Листопад отрешённым мимом
Бессловесно станцует рядом.
Тишина отзовется гулко
В глубине заповедных мыслей.
Над безветренным переулком
Городская душа зависнет.
Мимикрия не по нутру
Умилённому ночью миру.
Утро выкатит солнца круг
На восток по команде “вира”.

МОЙ БЛЮЗ

Дождливое утро. Разгар листопада.
Асфальт породнился с листвой.
Машинам друг дружку обрызгать отрадно
Холодной водой дождевой.

Прохожие лица под зонтики прячут,
Им дождик добавил хлопот.
Они через лужи оленями скачут.
Я лужи форсирую вброд.

Мне сладко и грустно с утра почему-то.
Внутри нескончаемый блюз.
Смывает дождём мыслей спутанных смуту,
И вымокнуть я не боюсь.

Намокшие листья налипли на крыши
Блестящих от влаги авто.
Никто моей осени блюза не слышит,
Грустить не мешает никто.

МОНАХИНЯ-ОСЕНЬ

Не уходи! - ей говорили -
Продли лучей желанных негу!
Но холод тучные перины
Уже наполнил первым снегом.
И отлетали птичьи стаи.
По площадям ночным, пустынным
Дул ветер зло, листву сметая.
Бульвары, улицы, мосты, и
Дома готовились к метели.
А осень в монастырской келье,
Зимы послушницей смиренной
В слезах за мир молилась бранный.
И, забываясь в полусне,
Стихи шептала о весне.

НЕВПОПАД

Не случилось, увы, под счастливой звездой народиться.
Всё не в пору, не впрок, невпопад, недолёт, перелёт.
Не желает с надеждой душа навсегда распротиться,
Хоть гарантий на чудо никто, никогда не даёт.

Переспевшей осенней прохладой напьюсь до упада,
Скоротаю смиренно притихшую лунную ночь
В задушевной беседе “за жизнь” с пожилым листопадом.
Он и в прошлом году поболтать был со мною не прочь.

Утро шторы немого тумана лучами раздвинет,
И придаст перьевым облакам невесомости цвет,
На озябшей траве заблестит бриллиантовый иней.
Пробежит ветерок по упавшей под ноги листве.

ПРОЛОГ

Вот и осени песенка спета.
Холодает с лихой быстротой.
Тепловозы, возившие лето,
Отошли на законный отстой.

Закалённые холодновозы
Морозящие тянут дожди,
Перевозка трескучих морозов
В разрядке у них впереди.

Не беда, отзимую привычно -
Ночи длинные, долгие сны.
Открывает декабрь кавычки
Перед словом “зима” до весны.

МЕЛОДИЯ

Прохлада мелодией плавной
Плыла по унылым полям,
Вошла в камышовые плавни,
Их зарослям шелест суля,
Чуть слышный, как шёпот шамана
В туманной обители сна.
И мела над гладью лимана
Лимонною долькой луна.
Желтели жеманные липы,
Влюблённые клёны дразня.
Звучали свирельные всхлипы,
Как реквием памятным дням.
Готовились к инею травы,
Ночной закалялись росой.
Роняли убранство дубравы,
Прощались с дарёной красой.
Дождавшись осенней отрады,
Осины шуршали листвой.
Природа спектакль листопада
Играла, как будто впервой.

НА ПЯЛЬЦАХ ОСЕНИ

На пяльцах осени
Картина вышита:
По краю просеки
Туман колышется.
Листок берёзовый
Взят паутиною
В полон. Над озером
Покрытом тиною
Взгрустнула шелестом
Осока ржавая.
Вот-вот метелица
Сюда пожалует.

Оплакано дождём вчера,
Накрыто моросью сегодня.
Привычно зябнут вечера
Под пеленою непогоды.
Демисезонных снов недуг
Недолог - с первым снегом сгинет.
Пруды сослужат службу льду,
А стёкла заузорит иней.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Завела канитель метель,
Сыплет щедро снега пурга.
А назавтра опять капель -
Рановато зимой пугать.

Леденеет в прудах вода,
В полыньях ветер гонит рябь.
По дорогам езда – беда.
Межсезонье – тоска и хлябь.

Что опять захандрил, браток,
Снова фибры души болят?
Неутешен годов итог?
Как всегда недочёт цыплят?

Как судьбу ни кори, старик -
Вечерок на её часах,
А единственный жизни приз -
Белый иней на волосах.

Не терзай, брат, гитарный гриф,
О тоску не ломай зубов,
Подбери пару сочных рифм,
Не измызганных - на “любовь”.

Не держи на неё обид,
И в себе не ищи вины.
Наболевшее отболит
Обязательно до весны.

ЯНВАРЬ

Фонари целуют снег
Золотистым светом.
На мороженом окне
Ёлочный узор.
Видит ночь в январском сне
Киноленту лета:
В лёгком розовом вине
Дальний горизонт.
Опьянев от лунных чар,
Веселятся звёзды.
У сугробов на плечах
Искры горят.
Остывает в чашке чай.
На дворе морозно.
В тишине часы ворчат -
Правду говорят.

ВА-БАНК

Косой, холодный, мокрый снег
Отметил февраля приход.
Прогноз на двадцать восемь дней
Пугает странностью лихой.
Последний месяц кутерьмы:
То - оттепель, то вновь мороз.
Все сплетни о конце зимы
Ютятся на хвостах сорок.
Предъявит козыри туман,
И бросит в залежалый снег.
Сыграют трубы на домах
Восторженно "Зарю" весне.
Не раз пойдёт ва-банк февраль,
Надеясь на метельный фарт .
Не будет стоять свеч игра.
И куш сорвёт везунчик-март.

МЕТЕЛИЦА

Ах, метелица-круговерть!
Ты - мороза любовница,
Забелила земную твердь,
Не успели опомниться.

Расстаралась проказница,
Замела неприглядное,
Стольный град перед праздником
Приодела в нарядное.

Парк, скамейки бульварные,
Мост, и рельсы трамвайные,
И вагоны товарные,
Грезят снежными тайнами.

Улетучился хмель с лица
У меня загулявшего.
Под ногами метелица
Всё никак не напляшется.

Подгоняет пурга домой.
От морозца в мозгу ясней.
Напевает в нём Адамо
По-французски: - "tombe la neige".

ЗЕЛЁНАЯ ВОЛНА

Сам себе гонец, слуга и господин,
Чтец, певец, и швец, и жнец, и “конь педальный”,
Возвратившийся в сегодня паладин
Из былого для трудов исповедальных.
Облюбованный маршрутками проспект
Упивается зелёною волною.
На душе – кураж с названием - “респект”,
Сильно пахнувший бензином и весною.
В дальних ящиках забыв колоды карт,
У центрального вокзала практикуют
Экстрасенсами цыганки. Ранний март,
Предвкушая потепление, ликует.
Не хранивший никогда Великий пост,
Заигрался жезлом кукольный гаишник.
Скоро выпрямится солнце в полный рост,
И в невесты захотят рядиться вишни.
Улыбается чему-то циферблат -
Он отвлекся от работы на минуту.
Город, по обыкновению, - в делах,
Не заметил восхитительного утра.

ВЕРБНОЕ

“Вербы овейаны ветром нагретым” ©,
Колоколов перезвон удалой.
В предначертание жаркого лета
Город озябший ласкает тепло.
Щурятся улицы и переулки,
В негу лучей окуная дома.
Юный апрель на воскресной прогулке
Нынче, и скоро он вырастет в май.
Любо глядеть на улыбки прохожих,
Строящих планы на лучшую жизнь.
Слава Тебе, Всеобъемлющий Боже,
Что нами грешными Ты дорожишь!

© строка из стихотворения К. Д. Бальмонта

ПАСХА

Стремглав по городам и весям
Разносится благая весть,
И на слова: - Христос Воскресе! -
Ответ: - Воистину Воскрес!

Святой водой напропалую
Облиты лица, куличи,
И троекратно поцелуи,
И сердце радостно стучит!

Увлечены детишки боем
Пасхальных крашенных яиц.
Глаза исполнены любовью,
И свет на миллионах лиц!

ПОЛЯНА

По пушистым белым шарикам
Бьёт мальчишка тонким прутиком.
Ветерок уносит за реку
Облачка из парашютиков.

СЛУХОМАНЬ

Восторженный, живой, пытливый слух
Приемлет всякий шорох, шелест, шёпот,
Молву луча пронзающего мглу,
Дыханье камня, муравьиный топот,
Молебен тишины, тумана плеск
Во время литургии амулетов
Лесных прогалин полюбивших блеск
Балетов феерического лета;
Адажио вальжных ветерков
И фуэте фиалковых фантазий,
Фламенко говорливых мотыльков,
Перкуссию их крылышек в экстазе
От утренних фальцетных интерлюдий
Озёрных освежающих ключей.
Аллегро нисходящего салюта
Землёю облюбованных лучей
Находит консонанс в сердцах полей.
Для стеблей злаков музыка – елей.
Дрожь паутинок слышится вдали,
Мелодика их трепета волшебна.
Оркестры пробудившейся земли
Играют гимны царственному небу.

ВКУС ТИШИНЫ

Летний город устал от жары и рекламы,
От людской суеты и клаксонов машин.
На изнанке небес облаков амальгама,
А на крышах домов дорогой крепдешин.

Ночь вошла в лабиринт обезлюдевших улиц,
Расцвели фонари полусонных дворов,
Город пил тишину, словно “Киндзмараули”,
Разомлев, он уснул... Разбудило метро.

ЧАЯННОЕ ЛЕТО

Умиленная пора.
Ветер цвета сердолика.
Абрикосовый парад.
Арабесок многоликость.
Вольных мыслей чистота.
Вышних озарений вспышки.
Ясность яви, немота.
Ощущения мальчишки.
Перемен веретено.
Оголтелая погода.
Новизна невинных снов -
Ни о чём, о чём угодно.
Не предвидения дар
Забубённой в прошлом боли.
Созидательное “да”
К обездоленной юдоли.
Ширь звенящей вышины.
Даль приемлющая удаль,
Где отрадности людны,
Безотрадности безлюдны.
Малосольность ноты “соль”
Соизмерена бесстрастно,
Честно чашами весов
С полосатостью матраса.
Не фиглярство ноты “ля”
В гимне солнечному свету.
Не кончайся, умилай
Душу чайнное лето!

ЛИЛОВЫЙ ВЕЧЕР

Мечтательную грусть таит лиловый вечер.
В овраге ворожит колдунья-полутьма.
В листве наивных ив приют находит ветер.
Спускается на луг берёзовый туман.
Застенчивый закат запрятался за лесом.
Стыдливо розовеют кромки облаков.
Бледнеет над рекой повеса-полумесяц.
Судит округе ночь незыблемый покой.
Постой ещё чуть-чуть, вдыхая воздух пряный,
Тебя он опьянит совсем немного пусть.
Охватит немота лиловую поляну,
Не дав ей разгадать непонятую грусть.

НЕДЕЛЯ ВНЕ ИГРЫ

Всего неделя вне игры, в офсайде.
Уехал в беспробудную дыру.
Семь долгих дней без словоблудных сайтов
В портале солнечном “derevnya.ru”.

В меню: огурчик с молодой картошкой,
Смородина, малина с молоком.
Семь вечеров с трёхрядною гармошкой
И ностальгией на “prigoda.com”.

Велосипедом – часик до райцентра.
Базарчик. Всякой всячиною торг.
На яблоки на двадцать пять процентов
Сбил цену лихо на “zabava.org”.

Теперь я, как заправский сельский «user»
Ложусь с закатом и встаю чуть свет.
Блокнот стихов от деревенской музыки
Везу домой, на “vdokhnovenye.net”.

АВГУСТ

Ветер ласкает кленовые кудри.
Улица августом пахнет, и пылью.
Хочется быть рассудительным, мудрым,
И побывать за пределами были,
Где наигратся в сюжеты из сказок.
Впрочем, простительна эта беспечность.
Верится в сны и красивые фразы -
Якобы в них заключается вечность.
Не осуждают впадающих в детство -
Каждый быть вправе доверчиво-юным.
От диссонанса прекрасное средство -
Фазы луны зашифровывать в руны:
Если луна, словно сахарный пряник,
Статус вербальный её – полумесяц.
Полной луне над туманной поляной
Нравится миру казаться повесой.
Август пророчит багрянца начало.
Брезжит, рождается новое утро.
Ночь удаляется вместе с печалью.
День впереди рассудительный, мудрый.

***РИСОВАТЬ – ЭТО
ТАК
ИНТЕРЕСНО...***

РИСОВАНИЕ

Рисование - дело такое,
Что фантазии не удержать.
Нарисую зарю над рекою,
Восходящего солнца пожар;
Плёт, обрывистый берег, две ивы
Над водой, а на том берегу
Домик с крышей соломенной, ниву,
Журавля на духмяном стогу,
Дымку над пробудившимся лесом,
Череду кучевых облаков...
Рисовать - это так интересно,
Подперев подбородок рукой!

СМИРЕННЫЙ ВЕЧЕР

Молибденовое небо
С фиолетовым оттенком.
Обволакивает небель
Луг топлёной млечной пенкой.
Меркнет солнце, соловья,
Восвояси удаляясь.
Полусонный ветер веет
Еле-еле над полями.
Утомлённый жарким пылом,
Горизонт смыкает очи.
Притворяются слепыми
Тени яблонь у обочин,
Пахнущих подмокшей пылью.
На лугу посеребрённом
Небель властвует над былью.
Вечер умиротворённо,
Тихо складывает крылья.

ИЗ ЖИЗНИ ТЕНЕЙ

Внимая огню в изразцовом камине,
Уютном треску сосновых поленьев,
На стены себя беззаботно откинув,
О чём-то беседуют чёрные тени.

Общаться без слов им легко и привычно.
Пустая беседа - вопросы, ответы
На разные темы из жизни их личной,
И сплетни о тенях из высшего света.

Их завтрашний день будет полон делами -
Слоняться с людьми в городской суете.
Угаснет в камине дрожащее пламя
И тени уснут до утра в темноте.

НОЧКА

Под иконою лампадка.
За окном искрится снег.
В доме тишь. Малыш в кроватке
Улыбается во сне.

Пухом бережноснежинки
Укрывают палисад.
У печи хлопочет жинка.
Ночь. Двенадцать на часах.

Пышет свежеиспечённый
Золотистый колобок.
Кот катает увлечённо
Под скамейкою клубок.

В боровке тоскует ветер,
Подвывая и скуля.
Полумесяц полусветит
На застывшие поля.

МОЛОЧНЫЙ ДЕНЬ

Парного налакавшись молока,
Прилёт в траву с сигаркой на губе.
Взбивает в небе ветер облака
Обжоре горизонту на обед.
Лежу, затылок подперев рукой,
Умышленно валяя дурака.
Головкой сыра в масле облаков
Светило уплывает на закат.
С прохладой перемешанный туман
Сметаной выливается в овраг.
Топлёный вечер поглощает тьма
И сыто засыпает до утра.

РАСПАХНУТЫЕ ДВЕРИ

ГОРЮДОВ

СВИДАНИЕ С ГОРОДОМ

Я сегодня влюблён в этот вечер -
Необъятное жажду обнять.
Ровно в девять назначена встреча -
Город ждёт на свиданье меня.
У журчащих романсы фонтанов
Мы на мраморной сядем скамье.
Город полон немислимых планов
И отеческой ласки ко мне.
Симпатичен он перед закатом
Розоватым смущением стен
Старых зданий познавших когда-то
И печаль, и азарт перемен.
Мудрый город по-прежнему молод,
С ним гулять вечерами легко,
Слушать эхо от уличных соло -
Попурри из мелодий веков.
Он похвастает зеленью парков,
И проспектов своих прямою,
Проведёт сквозь дворовые арки
На ночной эспланадный простор.
Так и будем бродить до рассвета,
Заболтавшись о планах и снах.
Воробьи с облюбованных веток
Прощебечут кантату “Весна”.

ИЮНЬСКИЙ ГОРОД

Скоро лето настанет и город дождями умоется:
Проливными, грибными, ночными, прохладно-рассветными.
Что-то неповторимое в нём непременно откроется,
И его золотистая аура станет заметна нам.
Летний город – мастак задавать населению ребусы,
В пробках любит подолгу держать шебутные авто,
Веселит горожан, ошарашенных жизненной прозою,
Постояльцев толпы и резиново-тучных троллейбусов,
Опалённых жарой и незыблемою суетой,
Дарит радугу после грозы, не скупится на розы, и
Рад гостям, и дружить с ними город навеки готов.
По июньской поре он шутов и милен подчёркнуто,
И вполне убеждён, что фривольность ему не во вред.
Он ведь искренне ждёт, что по-свойски пошлём его к чёрту мы,
От души щекоча нам носы тополиным пушком.
Не привычный скучать, город летом гуляет “по-чёрному”,
И зовёт по ночам по себе прошвырнуться пешком.
Поутру мегаполис дыхнет в лица парковой свежестью,
Щедро брызнет в глаза акварелью заветной мечты,
Презентует цветы дворовые с невиданной нежностью.
Доложить соизволит с присущей эстетам небрежностью:
- Из глубин высоты поступило знамение, граждане!
Пополудни - гроза! - и добавит с наигранной важностью,
- Выходя, не забудьте зонты!

ПАРИЖ

Что творишь ты со мною, Париж?!
Нарываешься на комплименты?
Мне понравиться хочешь, и льстишь
Каждым зданием и монументом!

Я тебе за приём отплачу
Эталоном восторга – стихами!
Верь, Париж, это мне по плечу,
Душу выверну всю с потрохами!

По-французски экспромтом спою
С незаметным московским прононсом
Дифирамбы про душу твою,
Не сочти откровений за нонсенс:

Поутру прилечу в “Charles-de-Gaulle”,
Электричка домчит на “du Nord”,
Не играй “марсельез”, и хлеб-соль
Не носи на перрон. Уговор?

Побреду на знакомый бульвар,
Сяду в скверике у “Инвалидов”,
Тут великий Огюст Ренуар
Вдохновлялся пленительным видом.

В вековой тишине “Pere-Lachaise”
Отхлебну из бутылки вина,
Помяну похороненных здесь.
С ними родина всё же одна.

Парижу Сена руки лижет,
Как благодарный сенбернар.
Париж восторженный, бесстыжий,
Любимый Сарою Бернар,
Монтаном, Шарлем Азнавуром,
Габеном, Шевалье, и мной.
Париж мечтательный, бравурный,
Бездонный, вечный, озорной!

КИЕВ

Киев жаждет весны,
Тянет носом её близкий запах,
От азарта скулит,
Прогибает мосты,
Лижет шерсть площадей
И проспектов широкие лапы,
Хвост Подола купает в Днепре.
Вековой монастырь
Золочёною биркой блистает в могучем загривке
Облюбованных круч.
В предвесенней поре
Город несколько сер,
Но подтянут, особенно в Нивках,
Славно выглядят Липки,
Печерск, Оболонь и Сырец.
Добрый город доверчив,
Безмерно отзывчив на ласки,
Весел в ясные дни,
Чуть печален в дожди.
Если бы говорил,
Рассказал бы нам вещие сказки,
Два бульвара эффектно скрестив на груди.

У ЧЁРНОГО МОРЯ

Снова слова увлекают в строку,
В мир цветомузыки сочных метафор.
Возле прибоя на правом боку
Спит Феодосия - древняя Кафа.

Такт задаёт пожилой метроном,
Чуть подуставший от клавишной фальши.
Ленно пиарит свой мыс Меганом
Утлый маяк горизонту, а дальше ...

...Дальше, за недостижимой чертой,
Ставший вдруг нужным нам берег турецкий.
Запах у моря прохладно-крутой,
Цвет изындигово-пьяно-мертвецкий.

Бриз предрассветный ласкает волну,
Пьющую томные лунные чары.
Город у ночи в желанном плену.
Гаснут огни корабельных причалов.

СТАРЫЙ ГОРОД

Этот город бывал шаловлив и смешон,
Несмотря на надменность столетий.
Он побегать мечтал под дождём голышом,
И босыми ногами, как дети,
С визгом шлёпать по лужам июльской порой,
В жаркий полдень плескаться в фонтанах.
Но сегодня грустил - поднывало метро,
И листва опадала с каштанов.
Ветер ночью присвистывал, словно пацан,
Проходя проходными дворами.
И, казалось, промозглым дождям нет конца
В послелетней трёхактовой драме.
Город гнал эту хворь, приготовившись к ней,
К осложнениям будущей стужи.
Укрываясь листвой, засыпал в тишине.
Город много веков отслуживший стране,
Не болел - знал, что жителям нужен.

МОЯ МОСКВА

Моя Москва горбатая Арбатом,
С улыбкой благодушной на лице,
Со мною откровенная когда-то,
Живёт донине в памятном юнце.
В ней только зарождалась колоссальность.
Надменные высотные дома
Смирялись с позолотою сусальной
Церковных куполов, а кутерьма,
Столицу превращающая в улей,
Была ещё в проектах не видна,
А в лабиринты архаичных улиц
Ночами забредала тишина.
Пыль тормошили дворницкие мётлы
В разбуженных рассветом переулках.
В фургонах “Хлеб” горячий дух улётный
Затаивали бублики и булки.
Нрав города по-детски дружелюбный
Вводил приезжих в истинный восторг.
Азарт водил их в центры многолюдья:
“ГУМ”, “Детский мир”, “Пассаж” и “Военторг”,
Дурманил разномастностью товаров,
Способных счастьем жизни одарить.
Всенощно об аллеях и бульварах
Ажурные молились фонари.
Ещё не стёрты в памяти страницы,
И каждая подробность в них жива:
Огни и ароматы улиц, лица, -
Изалюбленная юностью Москва.

КЕЙПТАУН

Под горой распластался Кейптаун.
В озорные окрашен цвета он.
Самых чёрных чернил черней
Лица местных девчат и парней.

Словно из молока река,
Льются прямо со “Стол-горы”
Ранним вечером облака река,
Будто прячутся от жары.

Тут среди перекрестков чудес,
Параллелей и меридианов
Город-сказка под синью небес
Между двух мировых океанов.

Волны буйной Атлантики справа,
Слева плещется мирно Индийский.
Океанским прибоем забава
Скал прибрежных ласкать обелиски.

Португалец Бартоломео
Подарил мысу Доброй Надежды
Имя годное для поэмы,
Вера в нём, и большая нежность.

Мой визит получился коротким,
Но запомнился навсегда он.
На прощание выпили водки.
Прослезился дождём Кейптаун.

Этой встречей я горд навеки,
Расставался, как с лучшим другом.
Город-порт, где зимою пекло,
Бриллиант африканского юга!

**ДЕЖУРСТВО
ПО
ПАМЯТИ**

ДЕЖУРСТВО ПО ДЕТСТВУ

Лампочка дремлет в седом абажуре.
Отблеск луны над овальным столом.
Память по детству сегодня дежурит,
Полный порядок наводит в былом:
Шкаф, силуэт деревянной лошадки,
Плюшевый мишка, резиновый мяч,
Мальчик, умильно сопящий в кровати,
Очень похож на меня он, хоть плачь;
Грузный диван дерматином обитый,
Полочка с зеркалом, слоников ряд.
Кончился день интересных событий,
Праздник Победы, военный парад.
Вечер затих, отгремевший салютом.
Ночь опустилась на майский бульвар,
Сенью листвы изумрудной укутав
Пары влюблённых и звоны гитар.
Тускло, с луной соревнуясь как будто,
Светит фонарь над скамьёй во дворе.
Жаждет рассвета воскресное утро.
Птицам не терпится петь на заре.
Ручки сложив под румяную щёку,
Видит малыш разноцветные сны.
Память дежурила в детстве далёком,
В самом разгаре четвёртой весны.

МАГНИТ

Коммуналка. В конце коридора
Замусоленной лампочки свет.
С общей кухни несёт тётя Дора
Сквородку пахучих котлет.
Мне четыре. Я ростом с медведя,
Что подарен был в памятный день.
Поздравляли родные, соседи:
Мяч, юла, благородный олень
Деревянный, с большими рогами,
Книжки: «Золушка» и «Мойдодыр».
Пахло праздником и пирогами,
Пузырьками от сладкой воды.

Незнакомые тёти и дяди,
И знакомых немало притом.
Дети: я, первоклассница Надя,
Колька и пятилетний Антон.
Взрослых больше, наверное - десять.
Им, похоже, до нас дела нет.
Перепели давно сборник песен.
“Черный ворон” - последний куплет.
Стало грустно от песни тоскливой.
Шелестел ветерок в тополях.
Дали банку варенья из сливы
И во двор отослали гулять.

На скамейке у самого дома
Мы вареньем измазались все,
Угошали дворовых знакомых -
Малолеток. У Нади плиссе
Стало сливово-бело-пятнистым,
У Антошки следы пятерни
На вельветовой курточке чистой,
Колька так удружил – озорник.
Открывает без предупреждений
Память то, что годами хранит.
Летний вечер, друзья, день рожденья,
И подаренный Колькой магнит.

КАШТАНЫ

Выполнив список намеченных планов,
Солнце укрылось закатным муаром.
Падают, прыгают зёрна каштанов,
Весело катятся по тротуарам.

Как же приятно в тёплой ладони
Трепетно гладкое чудо зажать!
Три не разбитых лежат на балконе,
Очень похожи они на ежат.

Годы уходят, листая страницы
Жизнью потрёпанного дневника.
Осень из детства далёкого снится,
И не забудется наверняка.

Вечер. Стуча, засыпают каштаны
Мокрый асфальт опустевших дворов.
Ветер себя колыбельной гортанной
Тихо баюкает. Завтра Покров.

АНТОНОВКА

Ослепительно белыми кронами
Вдохновляется сад по весне.
Из зимы не вернулась антоновка,
На ветвях жизни признаков нет.
Жаль кормилицу, яблоню старую.
Отшумела своё, отцвела.
Как сиделось под нею с гитарою!
Тихо, кротко, смиренно ушла.
Панихиду отпели ей сумерки,
И оплакали вдоволь дожди.
Только в памяти сердца не умерли:
Запах яблок и трепет в груди
От наряда её в пору вешнюю,
От несметных осенних щедрот.
И отныне никто утешится
Заготовкой антоновки впрок.
Пусть о ней, не молившей о милости
Ни в жару, ни в трескучий мороз
Сад не вспомнит, и с новыми силами
Увлечётся цветением крон.
Боль утраты за лето уляжется,
Всё вернётся на круги своя.
У плетня однолетние саженцы
Будут, взор умилая, стоять.

РАССВЕТ НАД ПРИПЯТЬЮ

К двадцатипятилетию Чернобыльской катастрофы

Плакало сердце, с душой удручённой в обнимку,
Капельки скорби ладони судьбы орошали.
Девочка лет десяти на любительском снимке
В небо глядела, как будто его вопрошала
О невесомом, мечтами навеянном счастье,
Светлом, как утренний сон, и незбылемо вечном.
Луг возле берега, девочка в розовом платье
С мячиком ярким в руках и улыбкой беспечной.

Завтрашним утром, пронявшим весь мир до озноба,
Непоправимое, страшное горе случится,
Былью немислимой с именем жутким – “Чернобыль”
В двери домов роковая беда постучится;
Вечер тревожный негаданный дождь подытожит,
С громом - в апреле такое явление странно,
Девочке в розовом платье под детскую кожу
Боль заползёт и откроет зловещую рану.

Неугасимая, жадная боль, череда операций,
Месяцы, как в полусне, по больничным палатам.
Ей не хотелось уже с обезьянкой играть,
Что подарил добрый дяденька в белом халате.
Девочка с мячиком, луг у реки с камышами.
Солнце привычно зарю зажигало над миром.
Время извечный уход в неизвестность свершало,
Слушая звон тишины в опустевшей квартире.

ИСХОД

Годовщине исхода Русской армии и Флота из Севастополя

Оторванный шеврон военного мундира,
Не стреляный патрон расстрелянного тира,
Вино “Пино-нуар” и пенистое пиво.
Виною – будуар наложницы красивой.

Бесхитростный “лямур” с чулочною мурою,
Самшитовый Амур с предательской стрелою.
Две гривы медных львов у изголовья ложа -
Продажная любовь с наколками на коже.

Наполненный бокал вином червонной масти.
Безудержный накал безумной пьяной страсти.
Ненужные слова, натужное дыханье.
Кружилась голова, кружилось мирозданье.

Клонился на ветру пирамидальный тополь.
И будет сдан к утру Советам Севастополь.
Холодный труп в углу. Висок. Сквозная рана.
В ладони на полу сталь штатного нагана.

НАКАНУНЕ

Слезился глаз от дыма папиросы.
На фортепиано - рюмка и икра.
Тапёр играл Шопена по запросу
Хмельного камердинера двора.

Блондинки кабаре бесстыдно босы,
Плясать канкан готовы до утра.
Вокруг Дворцовой площади матросы,
У Зимнего мальчишки-юнкера.

КУПОЛА

Золочёные купола,
Обречённые купола,
Чёрнь ломала вас, как могла,
Храмы светлые жгла дотла.

Омрачённые купола,
Закопчённые купола.
Кумачовая пала мгла -
Богохульства век и хула.

Крестonosные купола,
Острoверхие купола,
Не сгубили вас силы зла,
Им ответ держать по делам.

Бирюзовая даль светла,
В небе радуга расцвела.
Мир и вечная вам хвала,
Золочёные купола!

ГОРЬКИЙ ПРОЛОГ

Больно словам верить -
Киев бомбят фрицы!
Настежь в беду двери,
Скорбь пепелит лица.
Радио звук рваный
В душах достал дна
Голос - сквозной раной,
Выстрелом в жизнь – Война!

Как же? Ответь, Боже!
Ты же всегда – Иже!
Сёла, поля с рожью
Жалом огонь лижет.
Парень упал навзничь,
Пулей сражён вражьей.
Ор воронья праздный -
Очи клевать жаждут.

В первый же день бойни
Крови людской – море.
Прокляты будь войны!
Проклято будь горе!
Штык, котелок, лопата,
“Мосинка” – на троих:
- Разве же мы – солдаты?!
Так, да раз-этак, их!

Фрицы идут блицем:
Ровно – Бобруйск – Выборг.
Ветер пылит лица.
Плен или смерть? - выбор.
Слёзы хохол прячет,
Застит стыдом взор.
Не усмирить плачем
Горечи за позор.

Рядом еврей торы
Строки бубнит под нос.
Скоро, совсем скоро
Лагерный холокост.
Хмуρο бредёт Павел -
Кудри белей снега.
Дома: жена - пава,
Дети - Илья с Глебом.

Танки в крестах – колонны -
Лязгают зло сталью.
Стонет земля, стонет -
Как же всё так случилось?
Первый призыв июня.
Строятся пацаны.
Жаден до жертв юных
Молох - дракон войны.

***ГЕНИИ –
ПРОМЫСЛ ВЕЧНОСТИ***

ИНОХОДЦЫ

*“... Не принимайте чрезвычайных мер,
Не обсуждайте, свят он иль греховен,
Пока от горя не оглох Бетховен
И не ослеп от нищеты Гомер.”*
Павел Антокольский

Отменные вышли бы гвозди
Из выбранных небом людей.
Таланты использует время -
В грядущее зорко глядеть,
Сквозь сплетни, наветы и козни
В жару и трескучий мороз,
Нести непосильное бремя -
Всего человечества воз.
Со стоном терпела бумага
Чернила доносов сухих.
Но не было сил у ГУЛАГа
Заставить замолкнуть стихи.
Погибших за истину сотни.
А те, кто из слизи - в князя -
Потомки вчерашних сексотов
К загубленным лезут в друзья.
Веками пророки на мушке
У преданно служащих тьме.
...Рылеев, Бестужев и Пушкин,
Сократ и ослепший Гомер.
На полном скаку иноходцев
Разили за верность мечтам.
Васильев, Шаламов, Высоцкий,
Рубцов, Гумилёв, Мандельштам ...

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Смешной котелок и тросточка,
Костюмчик не по размеру.
Улыбка его не взрослая
В сердцах оставляла веру

В добро всему человечеству,
От мала и до велика.
Гении – промысел вечности,
Божественного улика.

Одним только жестом, позою
Он сеял смешинки в людях.
Влюблённых в торговок розами
Таких никогда не будет.

И слёз умиленных капли,
И хохот до исступления
Сполна подарил нам Чаплин -
Великий немой Вселенной!

ГОЛОС ЭПОХИ

Ко дню рождения Владимира Высоцкого

Цинизма холодного он не любил,
И был плоть от плоти мужчиной.
Гитарные струны нередко губил,
По той же известной причине.

Прожил напролом, без оглядки, бегом,
Бывал нетерпимым и нежным,
Дружил горячо, презирая врагов.
И пел баритоном безбрежным:

О снах, парусах, что терзали шторма,
О дружбе, горах, гололёде.
Таганка – театр, Таганка – тюрьма.
И кони в свободном полёте.

Он был не по нраву “акулам пера” -
Хлебальникам из “Массолита”.
Он – голос эпохи, они – мишура.
Теперь окончательно квиты!

КАПЛЕЙ ВОСКА

Александру Вертинскому

Красота любовью предугадана,
Каплей воска - вечная печаль.
Источает тонкий запах ладана
Звуков негасимая свеча.

СОНЕТ

Максимилиану Волошину

Под закадычной лампы полусветом,
Восторженно, строкою за строкой,
Поэт выводит трепетной рукой
Четырнадцатистрочные сонеты.

Он связан с небом ниточкой астральной -
Певец любви, творец-анакорет.
Четырнадцать начальных строк в сонет
Заплетены – заглавный, магистральный.

Через плечо заглядывает Бог,
Оценивая творчество Поэта.
В саду звучит гитарный перебор.

Готов обворожительный венок
Любовью продиктованных сонетов,
В четырнадцать великолепных строк!

***У МУЗЫКИ
В ГОСТЯХ***

НОТЫ

*“Пляшут ноты врозь и с толком.
Ждут “до”, “ре”, “ми”, “фа”, “соль”, “ля” и “си”, пока
Разбросает их по полкам
Чья-то дерзкая рука”.*
В. Высоцкий

Ах! Эти ноты неугомонные,
До-ре-фасолилки звучной гармонии,
Связаны крепко скрипичными узами,
Музыкой сердца, любовною музыкой.

Ноты-принцессушки, ваши Величества,
Вот и бемоли с диезами кличут вас.
Стайкою птичьей сядьте усталые,
Ждут музыканты у нотного стана вас.

Ласково нотки бранит композитор:
Ах, вы - негодницы! Ах, паразитки!
Вечно беспечные скачут и скачут,
То засмеются, а то вдруг заплачут.

СМЫЧОК И СКРИПКА

Смычок упруг, наканифолен,
Мечтает прикоснуться к струнам,
Дать неизменной страсти волю,
Сыграть ноктюрн дорожке лунной.

И, ощутив тепло богини,
Раскрывшей тайны обертонов -
Каприз Никколо Паганини
И увертюру Мендельсона.

Неутомим смычок, неистов, -
Скользит, без права на ошибку.
Обворожительно и чисто
Звучит любовью дека скрипки.

РОЯЛЬ

Пыльное золото вазы с драконами,
На этажерке за старым роялем,
И не звенит неваляшка поклонами,
Лишь потому, что никто не валяет.
Годы провёл инструмент в одиночестве,
Струны покрылись быльём и забвением.
Вспомнить аккорды с пассажами хочется,
Преданных пальцев внимать откровениям.
Стонет неслышно душа музыкальная.
Чёрный рояль - очевидец столетия.
К старости медь потускнела педальная.
В прошлом: концерты и классы балетные,
Вальсы Шопена, сонаты Бетховена,
Скерцо, куранты и фуги – забытые.
Волей судьбы немота уготована,
Это ли - то, что зовётся - “Finita la”?
Меркнет за окнами небо латунное.
Кружево вяжет паук над картиною.
Город осенний в плену полнолуния.
Бредит рояль в полусне токкатиною.

АНДАНТЕ

Скалистый берег. Пляж уютный между
Утёсов и морской волной притих.
Седой скрипач играл на скрипке нежной,
Закрыв глаза, пленительный мотив.

Смычок упругий двигался забавно
По удивлённым струнам вверх и вниз.
Мелодия плыла над морем плавно,
Заслушивался музыкою бриз.

Звучала скрипка. Лунное анданте
Вливалось в ораторию чудес.
И звёзд замороженных бриллианты
Слетали с очарованных небес.

ФАНДАНГО

Тревожно танцует фанданго
Спесивое сивое море.
Вчера потрепало трепангов -
Был шторм у лагуны в фаворе.

Стихия уснуть не давала
Кораллам задумчивых рифов.
Под рокот девятого вала
Рождались легенды и мифы.

КЛУБОЧЕК

В доме уснули,
Кончился “улей”.
В кухне бабуля,
Коль уж не спится,
Сидя на стуле,
Вяжет на спицах
Внукам носочки.
И голосочком
Ласковым, нежным
В нос “а капелла”
Тихо мурлычет.
Спицами тычет
В новые петли.
Ночь безмятежна.
Плавно, без ветра,
Кружится белый
Снег за окошком.
Серая кошка
Спит на подушке.
В мягком клубочке
Шерсть убывает.
Зимнею ночью
Вяжет старушка
Внукам носочки,
И напевает:
“Очі дівочі”.

АБСТРАКТНОЕ

АБСТРАКТНОСТЬ

Особый шарм в недорисованном,
Как в недоглаженном плиссе,
Так недосказанность впрессована
Цветком на взлётной полосе.
Стучит штрихованное шёпотом
По серой в яблоках земле,
Тяжёлым муравьиным топотом,
Чуть слышным у Па-де-Кале.
Сквозь умозрительную восковость
Несложно высмотреть портрет -
На человеческую босховость
Лёг инквизиторский запрет.
Абстрактность - не черта характера -
Каприз расхристанной души,
Совокупление постфактумов
В глуши меж малым и большим.

ПЯЛЬЦЫ

В печальном зале псевдобытия
Расчувствуюсь над книгою юдоли.
В ней горько плачет мальчик для битья
В развалинах древнейшей Караколи.

Зодиакально болен гороскоп -
Царит возня в созвездии Возницы
Поёт блудница арию Леско
На главной пирамиде Чичен-Ицы.

Мне дело есть до северных даров -
Нанайцы не щедрее, чем данайцы.
Бесчисленное множество миров
Натянута на мысленные пяльцы.

***НИ НА КРАСНОЕ,
НИ НА ЧЁРНОЕ...***

МАРАФОН

Близок финиш недоуменного
Марафона в необозримое.
И не всякое сокровенное
За чертой на “ура” воспримется.

В масть попасть всё сложнее тверёзому -
Не в чести золотые правила.
Правоты окулярам розовым
Привлекательность не добавила.

Безголос орган в храме музыки,
Витражи сквозняком расколоты.
В майках лидеров - телепузики -
Отщепенцы “серпа и молота”.

Ни на красное, ни на чёрное,
На зеро вовсе ставить без толку.
Нитью шёлковой золочёною
Шьются истины мелким крестиком.

ДВА ЯЗЫКА

Забыт Шевченко “Заповіт”,
Непопулярны Лорки стансы,
А Пушкин – гений от любви
Раскоронован декадансом.

Держать не в силах эквилибр
На музыкантах и поэтах,
История свершила выбор,
Разворошив страну Советов.

Политики, презрев народ
Давно накормленный мякиной,
С азартом приняли развод
России с ненькой Украиной.

Неугомонные мужи
Тотчас клыки вонзили в слово,
Навек желая раздружить
Родной язык и “рідну мову”.

Хохочет тульский паренёк
Над украинским - “незабаром”.
Бедняге слово невдомёк:
- За баром, перед ним? - забава.

Крутя на палец сивый ус,
Разложит бравый запорожец
Глагол “сравни”, и подытожит:
- Він срава, чи ні? – войдя во вкус.

В моей душе два языка!
Не отступлюсь ни на мизинец.
Уверен в том наверняка,
Ведь я – российский украинец!

В КРАЮ НЕПУТАНОГО САЛА

В краю, где вечно хаты с краю,
И льнут рубашки ближе к телу,
Давно пора земному раю
Поспеть, но рая не поспело.

Паны волтузятся азартно,
Трещат холопские чубы,
А на базарах импозантных
Сбывают всячину жлобы.

Не слышно ропота в народе,
Всегда готовом обнищать -
Растёт картофель в огородах
И шкварки водятся в борщах.

За милость северному брату
Хористы здравицы поют.
Не демократы “демократам”
По налитым мордасам бьют.

Крадут без маломальской меры,
Забыв навеки слово - стыд,
Исподнее людей и веру
В осуществление мечты.

В краю непуганого сала
Резвится ветер перемен.
Весна недолго поплясала,
Безвольно отдалась зиме.

ПОДСТРОЧНАЯ ДОСЛОВНОСТЬ

Досрочно не прочат подстрочные буквы
Условным словам золотой немоты.
Но в такт метронома сердечного стука
Раскроются створки в страдательный тыл.

Стихийные помыслы память мусолит,
Стихами описывать думы веля.
Стремглав удаляется звук ноты “соль”, и
Стихает до эпистолярного “ля”.

Стучит за грудиной особенно гулко
Порой предрассветной в канун сентября.
Прорежется слух у глухих переулков,
Как только лучи лица улиц взбодрят.

**СТИХАМИ
О СТИХАХ**

СТИХИ

Стихи – кладезь мыслей и призрачной сути,
Вместилище духа и суетной мути.
Ужели напрасно они резонансно
Всей гаммой созвучий за твердь грудины
Звучат непредвиденной полифонией?
Хоть многое в музыке этой сродни мне,
Присутствует чувство иного начала,
Дарящего звуки погодой ненастной
И в дни климатических благополучий.
... Стихи...

Это - то, что во мне промолчало
Когда-то, и вдруг взорвалось, закричало.
Нередко стихи - темнокожие тучи,
Их ветры гоняют по небу спесиво,
Футболя, как юноши кожаный мячик.
Другие светлы, словно ласковый лучик
Приветного солнца, которое скачет
Большим апельсином в безоблачно синем.
У разных стихов свой, особенный запах:
Одни пахнут хвоей на ёлочных лапах,
Другие таят аромат первоклассных
Духов от Шанели. А третьи опасны,
Не меньше миндально-смертельной отравы.
Иные - душисты, как летние травы,
Их строки воздушны, вольны и лазурны,
Их могут сопрано колоратурным
Напеть примадонны театра "Ла-Скала".

Стихи, что ласкала певучесть мотива,
Взахлёб прочитает беспечный любитель
Лиричного чтива, с бутылочкой пива
Удобно усевшись в уютной качалке
Из ивовых прутьев. Слова, словно чайки,
Бодрящие сутью пучину морскую,
Ночные заливы, что лунно тоскуют,
Будя говорливость приливов речистых.
Стихи – перепутья дорог бесконечных,
Хранители веры в заветные встречи,
Надёжные слуги незыблемых истин.
Стихи - это листья пророщенной тайны,
Глашатаи не оглашённых событий,
Прозрений колодцы, зарницы мечтаний,
Фонтаны эмоций, мгновений обитель.

НАПОПОЛАМ

Две половинки души разошлись
На расстояние гулко-го эха.
Чувственный, малосерьёзный каприз
Вырос в проблему, и мне не до смеха.

Первое «я» поселилось в стихах,
В яви никчемно скучает второе.
Оба остались теперь на бобах,
Будто троянцы в обманутой Трое.

“Я “Номер раз” - без минут – фаворит
У обольстительной, ветреной Музы,
И в поднебесье беспечно парит,
Не замечая реалий обузы.

Ну, а другая моя ипостась:
- Майна! - командует, словно монтажник, -
Эй, полоумный, немедленно слазь!
Тыча перстом в опустевший бумажник.

КРАСКИ СЛОВ

День прочитан вдохновенно,
Без язвительной игры.
Вечер выплеснут мгновенно
В ареал ночной поры.
От логичного порога
В иллюзорное набег,
Инкарнация в эклогу,
Медитация в мольбе.
Поражает урожайность,
Жадность брезжущей межи.
Омоложенные жаром,
Звуки обретают жизнь.
Сито впитывает брашно.
В базиликовую вязь
Заплетается бесстрашно
Выразительная вязь.
... Времена, вдали от нравов,
На муру - "травя-дрова"
Тратить не имею права
Колоритные слова.
Утренним вердиктом вече
Уготован уголок,
Где, не зря на чёт и нечет,
Сохранятся краски слов.

СОБУТЫЛЬНИК

Полночь. Буянит метель за окошком.
С полки взял том, наугад - не спалось.
С фото на аверсе книжной обложки
Сабельным взглядом буравит насквозь
Зычный глашатай сумбурного времени.
Что ему станется? Вот он - в томах!
Маршевым словом бьёт прямо по темени,
Из головы выгоняя туман.

Тишь. На столе полбутылки “Московской” и
Рядом угрюмый, на вид, господин.
Хлынули в сердце стихи Маяковского
Слогом, дожившим до наших седин.
Смотрит в упор визави осуждающе,
Словно иглой в подсознание врос:
- Напрочь пропили державу, товарищи,
Тщетно надеясь на русский авось!

Накоротке бы мне с ним побеседовать,
Выпить по “сто пятьдесят” за страну,
Руку нюхнуть, на “житуху” посетовать,
И до рассвета в сердцах не уснуть.
А пополудни, в похмелье безбожном,
С мокрой тряпицею на голове,
Глянув на лысого с книжной обложки,
Вспомнить, что пил с Маяковским В.В.

НЕ СПЕША

Не случилось чудес после дождика в прошлый четверг,
Очевидно и нынешний будет похожим.
С каждым годом седин прибавляется на голове
И траншей на пока не пергаментной коже.
Убегаю от старости пошлой в простые слова,
В ассонансные рифмы, в согласные звуки.
Перед жизнью моей не качаю права,
И хранителя душу забрать на поруки
Еженощно смиренно прошу, чтобы он приучал
Многогрешную к радости исповедальной.
Жить хочу не спеша, без нужды обращаться к врачам.
И давно не хочу орденов и медалей.

НАПЕРЁД

Узнать наперёд бы: - Что лет через сто
Получится из виртуального рая?
Наверное, нас и не вспомнит никто,
И то, как мы весело в смайлы играли.

Возможно, на смену обычным стихам
Придут откровения радужки глаза,
И сможет любой интернетовский хам
Назвать психопатией наши рассказы.

С презренной ухмылкой прочтёт между строк
Такое, о чём мы и сами не знали,
И перефразирует наоборот
Заветное, трепетно чтимое нами.

И, всё-таки верится, будущий мир
Стать должен на сотни порядков добрее,
Любовь переполнит собою эфир,
И слог наш для нивы тогдашней созреет!

***ОТ ШЕСТНАДЦАТИ
И МЛАДШИМ***

ЁЖИК

Хотите, дам вам ёжика
В ладошке подержать?
Весёленькая рожица
У нашего ежа!

Сворачиваться ёжикам
Положено клубком.
Мой ёжик тоже может так,
Как видите, легко!

Под шкафчик ёж закатится.
Его достану я.
Пыль на нарядном платъице:
- Ой, мамочка моя!

“Мой ёжик ненаглядненький...” -
Припевочку пою.
Из пластилина в садике
Я ёжика леплю.

ЩЕНОК

Не думайте, я - не заяц,
Хотя длинноваты уши.
От холода замерзаю,
Когда дует сильный ветер.
Котлету мечтаю скушать,
Когда-нибудь, и конфету.
Я масти пушисто-белой,
Но только немного грязный.
Поверьте, я - самый лучший
Щеночек на белом свете,
Весёлый и очень смелый!
И вовсе я не дворняжка,
И вовсе я не заразный.
На улице стонет вьюга,
Лежу я, забившись в угол
Под лестницу в парадном.
Дрожу и вздыхаю тяжело.
Сквозь сон слышу голос друга:
- Пойдём-ка со мной, бедняжка.

КОТ В МОЛОКЕ

Угодила киска в миску -
В молоке четыре лапы.
Лапы киски, словно кисти
Удалого маляра
Белят пол и туфли папы,
Что начищены с утра.

МЕЧТА

Надоел котёнку “вискас”,
Молоко прокисло в миске.
Есть у юного кота
Заповедная мечта:
Съесть пахучие сосиски,
Те, что бабушка Дениске
Варит в кипятке на завтрак.
Кот мечту исполнит завтра!

ЛЕШИЙ

Под корягою в чащобе кромешной
Век живёт дремучий дедушка Леший.
Ходит Леший с кузовком за грибами,
Ищет жёлуди в траве под дубами.
По утрам на земляничной поляне
Он любит зарёю багряной,
Умывается из лужи водою,
Долго мокрою трясёт бороною,
Гребнем чешет волосинки на плечи,
И под нос мурлычет песенки Леший.

ПЕРЕД ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТОЙ

Мама мамонту грозила,
Тыча хоботом в зарю:
- Хоть и вырос ты верзилой,
Но, по-прежнему - тундрюк!
Ты зачем скакал с оленем
Ночью наперегонки,
Чуть не затоптал тюленя
У излучины реки?
Бегать в холод разве можно,
На бегу забыв про всё?!
Зря растратил жир подкожный!
Мамонт - ты, или осёл?
Мамонтёнок спрятал хобот
В шерсть густую от стыда.
Был тогда ещё не холод,
Грянут позже холода.

УРОН

Крокодил из речки Нил
Челюсть в воду уронил.
Перерыл на дне весь ил,
Не нашёл, заголосил:
- Двое суток зря искал
Крокодилией свой оскал!

КУ-КУ!

“Кукушка кукушонку купила капюшон”,
Капусту, кукурузу, крем-соду и крюшон.
Пил кукушонок, кушал, и набирался сил,
А капюшон кукушкин с достоинством носил.
Копались в куче куры, кидались на рожон:
- Кокетлив кукушонок. Гляди, каков пижон!
Кудахтать, кукарекать, как мы, не может он!
В бока он крылья-руки упёр: - Ку-ка-ре-ку!
И показал им кукиш кукушечий: - Ку-ку!

ПОНИ

Лошадка кауряя “тётушка Бонни”
Обычную пони работает в парке.
Она много меньше, чем взрослые кони,
И чуточку больше кавказской овчарки.

В тележке катает по кругу детишек,
Довольны ребята: - “Ха-ха!” и “Хи-хи!”
Для милых девчонок и славных мальчишек
Она на ходу сочиняет стихи.

“Цок-цок!” - чёткий ритм отбивают копыта.
За день пони делает сорок кругов.
В упряжке стихи напевает Боннита,
Рифмуя фырчание в тон - “И-го-го”.

Зимою лошадке становится грустно,
О лете она вспоминает с тоской -
Ватрушками и пирожками с капустой
Из рук угощали её день-деньской.

Ночами восторженный праздник ей снится:
Играет оркестр, веселье кругом,
Детишек нарядных счастливые лица.
Во сне распевает она: - “И-го-го!”

ЗВЕРЮШКИНЫ ЧАСТУШКИ

Две подружки, две норушки -
Очень маленькие мышки
Пели детские частушки,
Сидя на кастрюльной крышке.

Кошки, хлопая в ладошки,
Подпевали, как могли:
- Мяу-мяу! - пели кошки,
- Трали-вали-ай-лю-ли!

Мяу-мяу-лю-ли-лю-ли -
Распевали кошки-мышки,
Барабаня по кастрюлям
Три часа без передышки.

Шли по улице три хрюшки,
Кушали картошку фри.
Хрюшки слушали частушки
У распахнутой двери.

Симпатичнейшие хрюшки:
Соня, Фрося и Гаврюшка
Эту песню подпевали,
Хором громко хрюкать стали.

Я частушки эти слышал
(погулять под вечер вышел).
И теперь их всем дарю:
- Лю-ли-лю-ли-трали-вали-
Мяу-мяу-хрю-хрю-хрю!

МАЛОВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ
(по мотивам “Вредных советов” Григория Остера)

Вам бывает неохота
Руки мыть перед едою?
Ясно – дело молодое!
Для чего мочить ладони
Вам холодной водою
После ёжика и кошки?!
Вы поплюйте на ладошки,
Разотрите энергично -
Будут выглядеть прилично
Замусоленные руки.
Назовут послушным внуком
Вас бабули и деды.
И сослужите вы службу
Государству и науке
Бескорыстно делом нужным –
Экономией воды!

Если часто называют
Рыжим вас и лопухим,
Не деритесь, раздавая
Пустословам оплеухи.
Просто рыжим вы родились,
Потому что солнце любит
Вас, как собственного сына!
А торчащие большие,
Замечательные уши
Не являются причиной
Для обид неутолённых.
Ведь, вполне определённо,
Что такими лучше слушать
На уроках, где учитель
Битый час под нос гундосит.
Дополнительных вопросов
Не придётся задавать,
И всегда оценка «пять»
Будет ставиться в журнале.
А обидчикам – едва ли!

Если нет у вас таланта
Для рисунков акварелью,
(ведь не все же мы – Рембрандты),
Не печальтесь понапрасну!
Подержите под капелью
Часик высохшие краски,
Размешайте с карамелью
И намажьте ноги этим.
Постарайтесь потоптаться
По расстеленной постели.
Самой лучшей из абстракций
Назовут на белом свете
Настоящую картину!

Если по ночам ваш папа
Досаждают жутким храпом,
Криком папу не будите,
Пусть поспит – устал родитель.
Принесите усилитель
Ватт на сорок, с микрофоном,
И поставьте на подушку
Громогласную игрушку.
По неписанным законам,
Храп обязан прекратиться.
Не пугайтесь, если мама
Поутру начнёт браниться,
Ведь в двойной в оконной раме
Стёклам суждено разбиться,
Словно от землетрясения.
Но зато родного папу
Вы избавите от храпа!
Изо всех весёлым самым
Станет это воскресенье!

МАДАГАСКАР

Есть остров с названием Мадагаскар,
Где людям неведомо слово тоска.
Они отдыхают и песни поют,
Бананы с кокосами вкусно жуют.
Там все, от младенца до старца –
Весёлые мадагаскарцы.

Привет:

Мадагаскар – земля моей мечты,
Край необыкновенной красоты.
Веселье, солнце, бронзовый загар.
Далёкий остров грёз - Мадагаскар!

Как в детскую сказку, попасть бы туда,
Простившись со скукой навек, без следа.
Валяться в тени баобаба весь день,
На мир любоваться, и праздновать лень,
Петь песни, брэнчать на гитаре
На острове Мадагаскаре.

С собою возьму я семейный баян,
Создам хор из местных макак-обезьян.
Представьте, хористы бананы жуют,
Жуя, под баян “Чунга-Чангу” поют!
Концерты давать будем даром
Для жителей Мадагаскара.

Телят не гонял пресловутый Макар
На остров с названием Мадагаскар.
Курлыча, летят в небесах журавли,
Спешат к берегам этой дивной земли.
Достать бы мне крылья Икара,
И с птицами - к Мадагаскару!

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

В окно сдул ветер фантики, конфетные обёртки.
Уносит по асфальту их в журчащем ручейке.
Тетрадкою с примерами им помашу из форточки.
Пускай плывётся весело им к морю по реке.

Помчусь по майской улице вслед фантикам-корабликам,
И по блестящим лужицам нашлёпаюсь с лихвой.
С хорошим встречусь мальчиком – Серёжей, или Павликом,
С ним можно будет в салочки играть на мостовой.

В глаза домов влюблённое, им дарит солнце бликами
Улыбки, а над клёнами горят его лучи.
По солнечному городу, с утра дождём облитому,
Побегать очень здорово! Но мне урок учить.

БОЛТЛИВЫЙ СЛОН

Случайно занесло в одном из снов
В мир говорящей фауны и флоры,
Где со слонем – отпетым болтуном
Провёл полночи в праздных разговорах.

Слон лепетал о всякой ерунде:
Об эстетизме в тоне назиданий,
О верности слонихе и еде,
И о большом вреде перееданий.

Цветы на экзотических кустах
Шептались со стрекозами стихами.
На берегу речушки у моста
Залётный ветер спорил с лопухами.

Едва успел сказать слону: - Адъё!
Он, сотрясая хоботом мне руку:
- Увидишь двух полощущих бельё
Енотов, передай вот эту штуку.

Достал из баобабного дупла
Мотор и три автомобильных шины,
И некое подобие котла
С наклейкой “полоскальная машина”.

Он продолжал безудержно болтать,
В большой мешок укладывая утварь.
В ночной саванне начало светать.
И мне в окошко улыбнулось утро.

ПЕСЕНКА ПРО ДОЖДИК

Дождик, он, хотя и мокрый,
Но ничуть не злой.
Дождик мягкий, дождик добрый,
Жарким летом с ним тепло.
Поздней осенью заплакать
Может дождик в тишине,
Позабудет, что прохладу
Летом приносил, и в снег
Превратится на рассвете,
Белым станет город весь,
Где дружны с мечтою дети.
Что за радость будет здесь!
А в апреле дождь с капелью
Создадут "Дуэт весны",
И затянут а капелла
Серенаду у стены.

привечик:

Дождик, дождик, капай звонче!
Всюду лужи разливай!
У меня есть новый зонтик.
Лейся, дождь, не унывай!

СОНЯ

Любуется солнце в окошки
Панельных домов городских.
Следят с подоконников кошки
За утренним бегом людским.
Необыкновенная Кира
(так бабушка внучку зовёт)
В обычной столичной квартире
Пять лет с половиной живёт.
Не ябеда, и не задира,
Послушна и очень добра.
Но только послушную Киру
Не могут поднять по утрам:
Бабуля, будильник в мобильном,
Сигнал электронных часов.
Сложив две ладошки умильно,
Сопит, улыбаясь сквозь сон.
Смеётся светило в окошко
Над Кирой, забыв о делах.
Мультфильм о ленивом Антошке
Девчушка опять проспала.

НЕПОСЕДА

Ну, и ну! Велосипед
Еле едет – спасу нет!
Пользы вовсе никакой
От него! Махнул рукой.
Слез, вздохнул. Помчался вскачь.
Есть надежда: хитрый мяч
Догоню, подарок деда.
Мячик тоже непоседа.

ЗАПЛАТКА

Залатала мама Мишке
Ночью дырку на штанишках.
Вот обрадуется он –
Вместо дырки – жёлтый слон!

ДРУЗЬЯ

Жирафу, слону, бегемоту, козе,
Лохматому льву,
Обезьяне, и тигру
Нельзя обойтись без надёжных друзей.
Друзья - это классно!
Друзья - это игры!
Друзья будут рядом всегда и везде.
Друзья никогда не оставят в беде.
Друзья - это самые лучшие дни.
Цените друзей,
В жизни плохо без них.

ЧЕХАРДА

Здорово попрыгали
На кровати с Игорем.
Кувыркались и кружились,
В чехарду играли, кстати.
Поломались три пружины
На родительской кровати.

МУХОМОР

Красной шляпкой в белых точках
Похваляться он любил.
Шёл грибник от кочки к кочке,
Самохвала палкой сбил.

ПРЯТКИ

Раз, два, три, четыре, пять!
Кто теперь пойдёт искать?
Целый день играем в прятки.
По считалке водит Натка -
Жёлтый шарфик на лице.
Замелькали быстро пятки,
За секунду на крыльце
Не осталось никого.
Выполняя уговор,
Ната медленно считает:
Раз, два, три, четыре, пять.
Я уже иду искать!
Быстро время пролетает.
Вскоре вечер настаёт.
Мама Наты - тётя Маша
Из окна зовёт её
Кушать рисовую кашу.
Как теперь играть вдвоём?

БОЖЬЯ КОРОВКА

Лети, лети скорее, что же ты?
Тебя ждёт голубое небо.
Свободна ты, коровка божия.
Не нужно мне от неба хлеба.
Поймать тебя хотелось в шутку.
Лети домой, лети, малютка.

ПРОСТАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Умывает лапкой кот
Ушки, усики, живот.
Попугай неугомонный,
Кенар солнечно-лимонный
Наконец уснули в клетках.
И посапывают детки,
Сны поглядывая сладко
В мягких тёпленьких кроватках.
И причмокивают ртами,
Вспоминая шоколадки.
Ночи летом быстро тают.
Колыбельная простая
Незаметно утихает,
Вслед за детскими стихами.

ЖИТЕЙСКОЕ

ПУТЁВКА

На жарком “Sunny beach” Никита
Лежал ничком и тихо плакал,
Тоской по родине убитый.
Корову вспоминал, собаку,
Бригаду, развалюху-трактор,
Поросший терном косогор,
Газету “Сомовские факты”,
Картошку с луком, самогон.
За три недели на Гавайях
Успел, как негр загореть.
Ел киви, манго и папайю,
И в языках поднаторел.
(Путёвкой наградила область
За многолетние труды,
Значком “Ударник”, пудом воблы
В честь завершения страды).
Знал три американских фразы:
Плиз”, “сэнкью”, “хау ду ю ду”.
Ночами не заснул ни разу -
“Кондишен” в поясницу дул.
Дремал, на унитазе сидя,
Уткнувшись в кафель потным лбом.
В тревожных снах Никита видел
Бревенчатый отцовский дом,
Законную жену Марусю,
Здоровьем пышущую грудь,
На ней пластмассовые бусы.
А в ресторане поутру
Пил “фрэш”, съедал грибную пиццу.
На пляже усыплял прибор.

Смущали голые девицы
В журналах глянцевых “Playboy”
В киосках прессы вечерами,
Когда бродил по авеню.
Не видывал такого сраму
Никита сроду в стиле “ню”.
Домой безудержно тянуло,
И всё сильнее, день ото дня.
Путан ночного Гонолулу
Мужик боялся, как огня,
Хотя отнюдь и не был трусом,
Но знал о плате за грехи.
Он верность сохранял Марусе,
И тридцать баксов на духи.

В ШЕСТЬ ПОПОЛУДНИ

В шесть пополудни храпит на посту
Возле берёзки, в траве
Опохмелившийся брагой пастух
С шапкою на голове.
Пять коровёнок невзрачных собой
Бродят по лугу с ленцой.
Лошадь гнедая отвисшей губой
Гладит мужичье лицо.
Бабы с работы шагают гурьбой,
Юбки от пыли подняв.
Смотрится в пруд небосвод голубой.
В храме к вечерне звонят.

СНЫ О МАДРИДЕ

Ох, ты, долюшка, ядрит-ангидрит!
Спину ломит, не иначе - весна.
На рассвете снова снился Мадрид,
Хоть и было, как всегда, не до сна.
Разбудил весьма внушительный рёв,
То соседка, просто сладу с ней нет.
Не со злас крыльца послал ей упрёк:
- Не реви! Мадрид не видно во сне!
Я ж наемни нацедил ей вина
Из брусники, вперемешку с хренком.
Опрокинула, знать, стопку она,
Чёрным хлебом закусив, с чесноком.
Мне болезную и жалко её -
Суетится от зари до зари.
Всякий май к ней засылаю сватьёв,
Всех с порога шлёт. Ядрит-ангидрит!
Говорит, что уважает меня,
Только это мне, как будто серпом.
Я всё жду, надежду верно храня,
Что найдётся место в сердце слепом.
Анадысь я смастерил самоход
Чем-то схожий на ковёр-самолёт.
Он в свинарнике лежит, под сохой,
Хоть сейчас лети, лишь вытри помёт.
Поведу товарку: - Маня, смотри,
Аппарат летальный к старту готов.
Не махнуть ли нам на пару в Мадрид?!
Там тепло, и мандарины с кустов.

ПРОТЕС

Субы стосил на лирическом поприссе,
Съёмную сельюсть прислось
Сделать у сясника, сясник проросил мне,
Сто расгрысу и стекло.
Месяс посьти непорядок с сыпяссими,
“Се” - говорю вместо “Се”,
“Се”, “Ссе” и “Се” - литераторы тассятся
В клубе “Уход от клисе”.
Мне там устроили встресю с ситателем,
Стобы ситал я стихи.
Люди крисяли: - Сгинь к сёртовой матери!
Высел на ссену бухим!
Я, как на сло, выбрал проиисведения,
Где много “Се”, “Се” и “Ссе”.
Книской моих се стихов по балде меня
Стукнул мусык в курасе.
Я убесал сёрным ходом на улису,
Сыво вскосил на трамвай.
Дома пису скас про “Скусную курису” -
“Скусная куриса - 2”.

ГОРА

Поэту Сергею Каратову с дружеской признательностью

Надоел сочинительский бред
До соплей – исписался в конец.
Только рак засвистит на горе,
В эту гору взберусь, и на ней
Встану “александрийским столпом”.
(не призвать на язык бы типун)
Пусть вершина сия не Парнас,
А всего лишь “кудыкина” – пусть.
Но зато эпигонский сапог
Не ступал на неё, ведь она
Только избранных тайной тропой
Допускает на собственный верх,
Тех, кто ветер сберёг в голове,
Не дружил мимоходом с толпой.
Свист пронзительный слышен окрест.
Дал добро “накудыкинский” рак!
А меня в этот миг, как на грех,
Жуткий страх высоты разобрал.

ЗАКОНЫ РОСТА

Растёт и вызревает мысль,
Что в жизни всё не так уж просто:
Свет зарождается из тьмы,
Подчинено законам роста
Под светом Солнца всё и вся.
Кафтан тут неуместен тришкин.
Итог удара о косяк -
Растёт под волосами шишка.
Живот растёт, растут долги
У нерадивых стран Европы,
У жителей по две ноги,
Растут, как правило, из поп, и
Растёт финансовый отрыв
Власть придержащих от людишек.
Растёт мой творческий порыв,
Но результат плачевен слишком.
Стремительно растут года,
Их безоглядность неподсудна.
В цене горячая вода
Растёт и в мойке столб посуды.

ИНКЛЮЗИВ

Не “голы рощи”, хоть и “сжаты нивы”,
И непогодой осень не бузит.
Меня сегодня сильно осенило.
С Есениным иду на инклюзив:
“Не плачу, не зову, не сожалею”,
Утешен “увяданьем золотым”,
Сезонным вдохновением болею,
Вверяя строки жадным запятым.
Коварный рок, вооружённый битой,
Смирность, кротость пестует мою.
Но я граблями многократно битый,
А за таких целёхоньких дают!
Не найдено причин к упадку духа.
Поёт оптимистически душа.
Претендовала на котлету муха.
Сегодня ей подарен этот шанс.

***И НЕ СКАЗКА,
И НЕ ЛОЖЬ***

ЧЁРТОВА МЕЛЬНИЦА

Мельница над бурной речкой,
Скрытой кронами дубов.
У болота плачет кречет,
Не найдя в ночи любовь.
За замшелыми дверями
Старой мельницы шум-гам:
Леший, ведьмы с упырями,
Чёрт в болотных сапогах,
Собрались порой ночью
Тут на шабаш всем на страх.
Чудо-юдо под сосною
Издаёт утробный храп.
Полночь. Полон стол жратвы:
Студень, конские колбасы,
Самогон из трын-травы,
Жбан калинового кваса,
Осетровая икра.
От обжорства не до пляса.
В пляс пойдёт, какой дурак?!
Лихоимцы точат лясы,
Сыто нюхая табак.
Не прошло и получаса,
С криком: - пан, или пропал! -
Уничтожены запасы.
Начинается гопак.
Пышут красным жаром рож
В свете факелов, лучин.
Волосатость женских ножек
Скрыта золотом парчи.
Нет причины для кручины:
Упырёк с кривой личиной,
И огнём лукавых глаз
С присвистом пустился пляс.
Озорной колдун с баяном,
С носа стряхивая пот,
Скачет перед ведьмой пьяной,
Каблуками бьющей в пол.
Ластоногие русалки
С водяным играют в салки.
Суший срам, а не игра.
Шабаш длится до утра.

ПРИНЦЕССА УТРА

Под покрывалом вылинявшей ночи,
Без надоевшей свиты и шута,
В блокнот для снов записывала строчки
Она, спеша. Заветная мечта
Должна была свершиться непременно,
Сегодня же, в канун восхода дня.
Забрезжило. Луч солнца вдохновенно
Её лицо улыбкой осенял.
Мы не узнаем, где свершилось это:
Туманный Альбион, Мадрид, Париж?
Влюблённость, зарождённая рассветом,
Явилась отражением зари.
Любовь пришла открыто, без опаски -
Настала, наконец, её пора.
Съезжались восхитительные маски
Со всех концов на званый маскарад.
Под звуки искромётной тарантеллы,
Фонтаны брызг игристого вина,
Гостей встречала в пелерине белой
Принцесса Утра, Королева Сна.

ТАВРОМАХИЯ*

Он недурён был собой и талантом увенчан -
Пабло Гальярдо, рождённый в прекрасной Севилье.
Был самым юным среди матадоров квадрильи*,
Идолом слыл у севильских мечтательных женщин.
Люди считали погибель его неизбежной -
Слишком был дерзок на пласе* тореро Гальярдо.
Он без позёрства и броских излишеств в одежде,
Шёл на быка, пританцовывая фамильярно.
Алой мулетой* вращая у морды, как флагом,
Зля своей наглостью ошеломлённого зверя,
Пабло зигзаги чертил на песке верной шпагой,
В шаге от смерти, ни в бога, ни в чёрта, не веря.
Бык в этот день несравненно велик был и злобен.
Публика ахнула даже. И тут, в середину арены
Вышел тореро, и был, как всегда, бесподобен,
Замер, снял шляпу с поклоном, и встал на колено.
Тут зазвучали призывные трубы и "Viva!" -
Первая терция истовой тавромахии.*
Вслед за капоте* быку пикадоры лихие
Пики вонзают с немалым азартом в загривок.
Брызнула кровь на песок, явно бык огорошен,
И не по нраву ему "наказанье" (castigo*).

Он, разбежавшись, рогами врезается в лошадь
Под пикадором, во имя отмщения мига.
Бандерильеро втыкают свои бандерильи*
В тело животного изнеможённого болью.

Бык свирепеет, хотя и на грани бессилья,
И не согласен со столь незавидной юдолью.
Он, разъярённый, песок разрывает копытом.
“Оле, тореро!” – скандируют люди кумиру,
Кто рукоплещет, а кто, усмехается сыто:
- “Храбрость, тореро, свою докажи снова миру!”
Шпаги клинок вытирает пурпурной мулетой,
В шляпе велюровой, вышитой, видевшей виды,
Он направляется к ложе для высшего света,
И посвящает финал королеве корриды.
“Терция смерти” – последний аккорд представленья.
Рёв на трибунах. Накал жажды крови и страсти.
Бык чуть поодаль стоит и рычит с вождельнем,
Ярость в предчувствие гибели взор его застит.
Должен поднять на рога, затоптать, уничтожить
Парня с тряпицею алой, вконец ненавистной.
Боль на спине нестерпимая гложет и гложет.
В сердце мгновенный укол: – “Торо! Аста ла виста!”

* примечания:

тавромахия (от греч. ταύρος – бык и греч. μάχεσθαι – бороться) – состязание человека с быком (иногда в это понятие может включаться бой между быками или травля быка). Сейчас бой быков практикуется во многих странах, наиболее известна его испанская разновидность – коррида, *квадрилья* – группа непосредственных участников корриды.

пласа (пласа де торос) – арена для боя быков. *мулета* – небольшой красный плащ, натянутый на деревянную палку длиной около 50 см.

бандерилья – короткое копьё с крючками на конце, уколами которого раздражают быка на корриде.

Испытание плаща (капоте) Капоте – это большой плащ, розовый с одной стороны (которую показывают быку) и желтый (иногда синий) – с другой.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Голоса, голоса, голоса.
В небе чёрная стая ворон.
В заповедные волчи леса
Заявился со свитой барон.

Ловят волки ноздрями крутой
Запах конского пота и псов.
Воздух утра пропитан бедой
Вперемешку с рассветной росой.

Стаю вывел вожак за овраг.
Видно рощу вдали, за жнивьём.
Там спасение, лес нынче – враг,
Где за каждой осиной ружьё.

До желанной дубравы - верста,
Пробежать только поле скорей.
Старый волк, задыхаясь, отстал.
Гибель – зверю лесному стареть.

Пуля впилась, как жало осы,
Завертелся от боли и взвыл.
Жадно лаяли гончие псы,
На бегу приминяя ковыль.

Вдалеке властный зов вожака
За собой остальных увлекал.
Сердце волка стучало пока,
Улыбался он через оскал.

Лай всё ближе. Но псов только три.
Снова слышен враждебный рожок.
На глазах - отблеск алой зари.
Рассчитать хладнокровно прыжок!

Страха нет, мало сил на бросок -
Миг! - Полёт над полеглой травой.
Шерсти клоч, мяса сладкий кусок,
И победный, восторженный вой!

Визг борзых, частый лязг челюстей.
Острый клин журавлей в небесах.
Волк не мог слышать хруста костей.
Багровела заря, и роса.

**НА НЕПОРОЧНОЙ
ПЛОСКОСТИ
ЛИСТА**

Молчанье – золото.
Да, и слова - не бисер,
Безмолвие им нужно, не молва.
Когда мы молоды,
Нас не тревожат мысли
О постулатах вечности. Едва,
Светлица сердца припадает пылью,
Всё чаще грусть томит и, неспроста,
Мы расстаёмся с наболевшей былью
На непорочной плоскости листа.

УЧИТЕЛЮ

Время неугомное мчится, и
Трудно вспомнить вчерашние дни.
Только первого в жизни учителя
Память беспрекословно хранит.
Очень стыдно, порою мучительно,
Вспоминать нерадивость и спесь
Школьных лет. Попросить бы учителя
О прощении. Где уж теперь.
Как бы ни были многозначительны,
Поступите, как совесть велит -
Подойдите к седому учителю,
Поклонитесь ему до земли!

ДУЭЛЬ

Дуэль. Секундант - синева.
Барьер - ручеёк на полянке.
Прибежищем станет трава
Усталым босым дуэлянтам.
Наивные ивы впотьмах
Омоют кувшинки слезами.
Лизнёт полусонный туман
Манящую тихую заводь.
Зардеются звёзд угольки
В камине заманчивой ночки.
Отловленных слов стебельки
Сплетутся в летучие строчки.

ПАДАЕТ СНЕГ

(перевод песни Сальваторе Адамо "Tombe la neige")

Тихо падает снег.
Ты опять не придёшь.
В город падает снег.
В сердце дробная дрожь.

Пустота тротуаров
В ледящих слезах.
Снега первого чары
И у птиц на глазах.

Вечер. Ты не придёшь.
Болью сердца кричу.
Невозможная ложь
Обездоленных чувств.

Долго падает снег,
Словно падал всегда он.
Безнадёжностью мне
Уготованный саван.

Неуёмной печали
На душе всё тесней.
Тут когда-то встречались.
Одиночество. Снег.

Почему тебя нет?
Без тебя мне не жить!
Молча падает снег,
Беззаботно кружит.

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА

Одиноко звезда, как слезинка, блестит в небосводе.
Ей никто никогда колыбельную песнь не поёт.
Далеко от неё полумесяц чарующий бродит,
И туманности вечный свершают по кругу полёт.

Миллионами лет, как всегда, подчиняясь природе,
Одинокая звёздочка слёзы обиды утрёт.
Нет ей места на Млечном пути средь подруг в хороводе.
Не дожидаться ей счастья и суженый к ней не придёт.

Ожерелье планет никогда не надеть ей по моде,
И в холодном безмолвии быть одинокой всегда.
Вот уж солнце рассветное с ясной улыбкой восходит.
А на утреннем небе всё светит и светит звезда.
А на утреннем небе, по-прежнему, светит звезда.

ДВОЕ

В длиннополом пальто из когда-то приличного драпа
Седовласый старик шерудит палкой в мусорном баке.
Под ногами юлит, припадая на левую лапу,
Озорная, исконно дворовой породы собака.

Звон стеклянных бутылок в затасканной кожаной сумке
Со щенячьих времён веселит и вселяет надежду,
Что закончится тягостный день и пахучую булку
Кинет на пол старик, оставляя в прихожей одежду.

Он опять будет, морщась, из маленькой чашки пить воду,
Нюхать корочку хлеба, и долго смотреть в никуда.
И, не тронув еду, чуть шатаясь, дойдёт до комода,
Где достанет альбом, и заплачет над ним, как всегда.

Будет ливень ночной, неуёмный стучать по асфальту.
Сны покажет обоим засаленный старый диван.
Ветер будет стонать в щелях окон простуженным альгом.
Ливень стихнет к утру. Переулки засыплет листва.

АМНИСТИЯ

На рассвете покидаю зону,
Прошное оставляю позади.
Вышел срок. Я чист перед законом,
Сам себе отныне господин.

Щедро распахнёт объятая воля,
Из-под ног взовьются сизари.
Отзовется сердце острой болью
На далёкий журавлиный крик.

Зайчиками солнце заиграет
В окнах пробудившихся домов.
Вдаль по тротуарам зашагаю,
Распроставшись с хмурою тюрмой.

Выбежит ухоженная кошка
Из подъезда, хвост держа трубой.
У аптеки инвалид с гармошкой
Хрипло пропоёт “последний бой”.

Прошлого тоску без укоризны
Золотой листвою заметёт.
Нужен ли кому я в этой жизни,
Что за поворотом новым ждёт?

Старый клён уронит листья в воду.
Он такой же, как и я, - ничей.
Листопад. Амнистия. Свобода.
Вещмешок потёртый на плече.

СНЫ НАОЩУПЬ

Октябрь в финале.
По Цельсию двадцать с уверенным плюсом.
По Вильяму Кельвину градусов триста.
На сердце тональность созвучная блюзу
Любимого с юности саксофониста.
Ослышки, очитки, описки - по Фрейду
Во снах, предначертанных азбукой Брайля.
Явь, по пробуждению, кажется бредом
Пресыщенным ненормативной моралью.

ЧЕЛОВЕЧЕК

*“Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек”
(из детской считалочки)*

шею втягивая в плечи,
напевая тихо что-то,
брёл по лужам человечек
в старомодных чёрных ботах.

сел в трамвай, и на конечной,
снова что-то напевая,
очень странный человечек
медленно сошёл с трамвая.

мокрый снег пошёл под вечер -
город выбрала зима.
брёл куда-то человечек,
чтобы не сойти с ума.

ВЕТО

Зима иссякла от забот
По календарному пустых,
С неё ручьями льётся пот,
Сизифов труд зиме постыл.

Весны атласная карета
Несётся на семи ветрах,
За ней галопом мчится лето,
На всём скаку крича: - Ура!

Отчаянные чувства вылью
В слов неслучайный переплёт,
В котором мифы станут былью,
Где каждый миг на век продлён.

По праву авторского вето
Издам указ: Тоске - стихать!
Упьюсь крутым настоем лета
На симпатических стихах.

ОСЕНЬ

Осень - тихая пора
Ошарашенного года.
У неё смиренный нрав,
Невзирая на погоду.
Осень - перечёт цыплят,
Составление прожектов,
На себя сторонний взгляд -
О способности на жертвы.
Осень - выброс на холсты
Пестроты невероятной.
Осень - спутница мечты,
Той, что сбудется, наверно.

КОННИТИВА

Указ: – Не ходить по газонам! –
Не вызвал народный порыв.
Озоном заполнилась зона
Зияния чёрной дыры.
Парило парижское танго
Над парой махровых ресниц.
Заблудший в сомнениях ангел
Упал перед пассивной ницей.
Поспешно считались резоны,
Все «против», и даже все «за».
Не стала позором для взора
Скупая мужская слеза.
Надломлены стрелы Амура,
Ослабла вконец тетива.
Твердил самурай Ямомура,
Всем кланяясь: - Коннитива!
Поклонники эроэкстрима
Экстаз отыграли давно.
На ложах наложницы мимов
Безбожно хлестали вино.
Понт выдался фишкой “пилатов”
В палатах под номером шесть.
Медсёстры под хлопком халатов
Скрывали порочную честь.
На лапы гребли эскулапы,
Не глядя в анализ мочи.
Боксёры загубные капли
Зубами терзали в ночи.
Мир хижинам мог только сниться.
Война миновала дворцы.
И ей безнадежно за тридцать,
И он ей годился в отцы.

ПОПУТЧИЦА

Накопленный за годы скарб
Взвалив на плечи,
Шагает молча сквозь века
Куда-то вечность.

Нам не узнать, о чём грустит,
О чём мечтает
Она. Случайно мы в пути
На жизнь отстали.

НЕДУГ*

Поначалу твёрдо верилось – друг.
На поверку оказалось - не враг.
Мимолётный, словно насморк, недуг,
В равнодушие безропотный шаг.
Ночь плела из снов магический круг.
Множил сплетни Близнецов зодиак.
Сладковато улыбался не друг,
Хоть и думалось ещё, что - не враг.
Пели ходики суфлёром: “тик-так”,
Бормотали в унисон вою вьюг:
- В том проявится в последствие враг,
Кто однажды доказал, что - не друг.
В пелене тумана скрылся не друг.
Ночь за пазуху запрятала мрак.
Смыло солнышком уныния звук.
Наступала золотая пора.

* в соавторстве с Н. Тихомировой

ОБЫЧНЫЙ АНГЕЛ

Ничем он не приметен вроде,
Обычный ангел во плоти,
По улицам столичным ходит.
Порой, не ходит, а летит.

Его невидимые крылья
Всегда раскрыты за спиной.
За два-три взмаха, без усилий,
Он - в небе! Небо - дом родной.

ФАТАЛЬНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

3-го октября 1921 года в студии московского художника Георгия Якулова на Большой Садовой в день рождения поэта Сергея Есенина состоялось его знакомство с американской танцовщицей Айседорой Дункан. Ей было тогда 44, а ему только что “стукнуло” 26 лет. Сергею Есенину до смерти оставалось 4 года, 2 месяца и 24 дня. Айседора Дункан трагически погибла тоже от асфиксии спустя год, 8 месяцев и 16 дней после трагического утра в “Англетере”.

Ни вальс, ни пасадобль, и ни канкан -
Роман их разыгрался в ритме танго.
Есенин с Айседорою Дункан -
Страсть дикой кобылицы и мустанга.
... С улыбкой опустилась на диван,
Он возле ног, в кудрях так горячо
Ладоням: - “Solotaia golova!” -
Стон поцелуя, выдох: - “Anguel!”, “Tschort!”
Свидания, хмельные дни, венец -
Недолгий путь от счастья к адюльтеру.
Не за горами горестный конец
С петлёю в злополучном “Англетере”.
Упреки, пьянство, сабельную брань
Она прощала русому поэту:
- “Lublu tibia mai Anguel!”, “Ia nie drian” -
И теребила волосы при этом.
Нью-Йорк, Берлин, Париж, Неаполь, Рим.
Спонтанность ссор, минуты новой страсти,
Отвязные попойки до зари
В плену безумства, горечи и счастья.
Расстались зло Есенин и Дункан.
Декабрь. Париж. Весть дня – поэт в могиле.
На снимке - на его плече рука,
Что кудри золотые теребила.
...Пыхтящий возле розовых кустов
“Бугатти” близ отеля в южной Ницце...
...Короткий хрип, опередивший стон,
И длинный красный шарф в колёсных спицах.

ДИПТИХ

“Поклоняемся Страстем Твоим, Христе...”

Голгофа. Богочеловек.
Испита чаша до конца.
Струится кровь по голове
Из-под тернового венца.
И руки к небу не воздеть
В надежде умолить Отца.
Кровь из-под кованых гвоздей
Стекает вязко по кресту.
Страдает Бог и Человек,
Поправший смертью смерть вовек.
Всем миром припадем Христу!

*“... на живущих в стране тени смертной свет воссияет”
(Ис. 9:2)
“Господа пойте и превозносите Его во веки”.*

Обманулся ад крошечный -
Душ мучитель безутешных
Достоверно знать не мог,
Что в сей час не новый грешник
В пекло снизойдёт, а Бог!
Жизнь пришла в обитель смерти.
Озарилась Светом тьма,
Пали ниц чумные черти
В жутком ужасе на камни,
Возроптав на злой удел,
Слыша скорбный плач Адама:
- Каюсь, Господи, я здесь.

ВЕТЕР

“Ветер, ветер на всём белом свете!” (А. Блок)
Чудес настоящих немало на свете –
Природа известна богатством фантазий.
Покорным слугой служит ей вольный ветер,
Не знающий счёта своим ипостасям.
Он может быть нежным, ласкающим бризом,
Дарующим живость девическим кудрям.
В жару – утомлённому путнику призом,
Попутчиком добрым, рассказчиком мудрым.
Не зря называют его ветром странствий,
Когда паруса бригантин надувает.
Лаская берёз золотое убранство,
Мотивы для грусти душе навевает.
Бывает шальным, словно малый ребёнок,
Резвясь в подворотнях глухих переулков,
Капризным, как юная дева спросонок,
В томлении после бульварных прогулок.
Нередко заправским сльвёт хулиганом.
С разбойничьим присвистом парнем-рубахой
По сёлам и весям пройдёт ураганом,
Нагонит на всю поднебесную страха.
А если исполнится пущей бравады,
По-волчьи завоет, и вихрем закружит,
Себя распалив, превратится в торнадо,
И в небо поднимет всё, что обнаружит.
Наделав беды, спозаранку в похмелье,
Вину осознав за погром и разруху,
Уйдёт в монастырь и запрячется в келье,
Не будет от ветра ни слуху, ни духу.
Моля о прощении Господа Бога
За всё, что содеял несправедно прежде,
Канон покаянный прочтёт на дорогу,
Служить обязуясь лишь ветром надежды.

Когда судьбы закончится кино,
И проползут бесчисленные титры
Навязчиво экранным полотном,
Остатки красок, кисти и палитру
Сложу в рюкзак среди любимых книг,
Эскизов, сокровенных мыслей.Вмиг
Накину пыльник седенький на плечи,
И пошагаю вечности навстречу.

БУРАН

Не стихает вьюга. Небо скрыто мглой.
Никого в округе. Стёжки замело.
Путник одинокий в поле за селом.
Боль под левым боком – ледяной иглой.
Оставляют силы, до костей продрог.
Ветром подкосило, и упал в сугроб.
Нет дороги к дому. Замерзает он.
Странная истома нагоняет сон.
...В детстве вёз из бора по речному льду
На салазках хворост. Треснул на беду
Лёд. От страха Ваньку оторопь взяла.
Хвороста вязанка только и спасла.
Летнее “ночное”. Теплится костёр.
Молоко парное, долгий разговор
О далёких звёздах, об иных мирах.
Речка, мятный воздух - дивная пора.
В эту ночь июня было не до сна.
Завершилась юность, началась война.
На полях воронки, брошены дома.
После похоронки поседела мать.
Жизни киноплёнка промелькнула вмиг:
Только был ребёнком, вот - уже старик.
Жил не хуже многих, по закону жил,
Подавал убогим, выпивал - грешил.
Неплохой был столяр, старших уважал,
От работы в поле не привык бежать.
Внуки народились от троих детей,
В общем, получилось всё, как у людей.
Ослепило пламя, словно вспыхнул свет.

Обрывала память киноленту лет:
Перед белым храмом с дверью золотой
Он увидел маму в плюшевом пальто.
Как же, Боже, милый? - Мама умерла!
Двадцать лет - могила на краю села.
Не было ошибки, возле храма – мать!
Тут же образ зыбкий поглотила тьма.
Детский крик услышал, голос сквозь ветра:
Это - внук твой, Миша! Дед, не умирай!
Веки встрепенулись, приоткрыл глаза.
На бок повернулся. Щёку жгла слеза.
Оробело вжалось небо в белый снег.
Облака бежали стадом в вышине.
Пёстрый ствол берёзы в солнце утонул.
Радостно, сквозь слёзы, улыбался внук.

АУТОДАФЕ

Последний стон,
Последний взгляд.
Жесток невыносимый обряд.
Спешит облизывать огонь
Сухие сучья.
К груди прижат из веток крест,
С мольбой протянута ладонь
В седые тучи.
Толпа, что согнана окрест,
На землю пала.
Закрыло пламя ужас мук.
И, хлынул дождь, и грянул гром,
Разверзлось небо над костром.
В поднявшемся столбом дыму
Душа летала.

БУМАЖНОЕ СЧАСТЬЕ

*“Затих балаган, одиноко шарманка
Поёт: “тон ати, oh, charmant...”*

Пошарпанная старая шарманка,
Привыкшая давно к скрипучей фальши.
Парижский вечер. Пожилой шарманщик
С вертявой непоседой-обезьянкой.

Старик поёт, придерживая шляпу,
Органчику фальшивя в унисон,
Какой-то незатейливый шансон.
Мартышка в шляпу запускает лапу.

- Счастливые билеты, господа!
Мадам, месье, узнайте ваше счастье.
От горя не останется следа,
Закончатся все беды и напасти!

Монмартр. Мелкий дождик моросит -
В Париже серы, неприглядны зимы.
Напрасно старикашка голосит,
Проходят парижане в спешке мимо.

Видавший виды плащ промок давно.
Дрожит, скуля от холода, мартышка.
Шарманка не смолкает всё равно,
Не знает рукоятка передышки.

- Купите счастье, господа - Бон шанс!
Заветные желанья выполнимы.
Мадмуазель, как Вас зовут? - Флоранс!
Для Вас билет всего за пять сантимов.

Мерси, мадмуазель, храни вас Бог!
Вас ждёт любовь, поверьте старику.
Красавец переступит ваш порог.
Оревуар... Мерси, мерси боку...

ВЫБОР

Не предай, не кради,
Мать, отца уважай,
Не завидуй, не лги,
Клеветать не моги.
Человек зол и дик,
С миром век на ножах.
Осуждает других
За свои же долги.
Выбор правды убог:
Только пряник и кнут.
В мыслях сам себе бог,
Что играет в войну.
В услужении зла
Доживая свой век,
Догорает дотла
В пустоте человек.

БЫТЬ!

“Быть или не быть, вот в чём вопрос...”
Уильям Шекспир

Желает всякий непременно - быть.
И враки, что кого-то жизнь не тешит
Привычно наступающими днями,
Дарованными людям добрым Богом
Во исполнение заветных пожеланий.
Рассветы после бархатных ночей
Рождают щедро в разуме и сердце
Способность философствовать о смерти,
Зовущей в мир незыблемого света,
Спокойно, без пылающей тоски,
Гудящей зло о пропасти грядущей,
И вечной тьме - хозяйке пустоты.
Цветы! Вот, что нимало восхищает!
Весною жадно тянут стебельки
Навстречу свету милого светила,
И лепестками хвастают по-детски...
У вечности незыблема стезя,
Её заботит каждой новой жизни
Младенческая радость, и любовь
Бесменно побеждающая смерть!

ПОНЕДЕЛЬНИК

Понедельник лицо в ожидании бури нахмурил,
И на прошлой неделе он был нарочито дождлив.
Пелена ржавых туч, словно в небо насыпали сурик,
Распласталась по выси, собою лазурь застелив.
Затерялась любовь в закоулках случайного взгляда.
Бездорожье и хлябь на просёлках молитвенных слов.
На столе белый хлеб, молоко. В голове беспорядок.
Ливень словно стрелок дупит пулями капель в стекло.
Строки стихотворений длиною с версту под Коломной.
Гром нежданно оглох от пальбы канонадой, и стих.
Первый луч сквозь прогалину в тучах блеснул, и нескромно
Заглянул в монитор, и прочёл никудышный мой стих.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

С крыш сметает ветер
Тополиный пух.
О мечте заветной
Не промолвлю вслух.
О былом вздыхая,
Авторучке шанс
Дам - сказать стихами,
Чем полна душа.

ИСКРЕННЕ

Слёз покаянных для себя
В молитвах искренних просите.
И, чтобы всех людей, любя,
Вовеки миловал Спаситель.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТОТ МИГ.....	2
---------------	---

ЕЁ ЛИРИЧЕСТВО ЛЮБОВЬ

ВХОДЯЩАЯ В УТРО.....	7
ЖЁЛТЫЕ ЛИСТЬЯ. ВЕРЬ.....	8
ДВЕНАДЦАТЫЙ ВАГОН.....	9
НЕ УХОДИ.....	10
КОРОЛЕВА ВОСПОМИНАНИЙ.....	11
АДАЖИО.....	12
ДЕНЬ И НОЧЬ.....	13
Я ЛЮБЛЮ.....	14
РОСИНКА.....	15
МАМЕ.....	16

ДОМИНАНТА

В КРУГЕ.....	18
ТИШИНЕ.....	19
ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО.....	20
БОЙ С СУДЬБОЙ.....	21
КУТЕРЬМА.....	22
НА СТАРТЕ В ЗАВТРА.....	23
КУКУШКА.....	24
ПУСТОТА.....	25
ТОСКЕ.....	26
МЕЩАНСКИЕ ГРЁЗЫ.....	27
НЕСКУЧНО ЖИТЬ!.....	28
БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ.....	29
Я ХОЧУ.....	30
ПОВРЕМЕНИ.....	31
ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ.....	32
ВОСТОРЖЕННЫЙ МИР.....	34

МЕЛЬКАЕТ ВЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНАМИ ГОДА

УМИЛЯЮТСЯ СОЛНЫШКОМ КРЫШИ.....	36
ЩЕДРЫЙ ДЕНЬ.....	37
МИГИ ВЕЧНОСТИ.....	38
ЮВЕЛИРНОЕ УТРО.....	39

ЛИСТОПАД.....	40
ПОД УТРО.....	41
РЫЖАЯ. ЭТА ОСЕНЬ.....	42
ВИЗИТ.....	43
МИМИКРИЯ.....	45
МОЙ БЛЮЗ.....	46
МОНАХИНЯ-ОСЕНЬ.....	46
НЕВПОПАД.....	47
ПРОЛОГ.....	48
МЕЛОДИЯ.....	49
НА ПЯЛЬЦАХ ОСЕНИ.....	50
МЕЖСЕЗОНЬЕ.....	51
ЯНВАРЬ.....	52
ВА-БАНК.....	53
МЕТЕЛИЦА.....	54
ЗЕЛЁНАЯ ВОЛНА.....	55
ВЕРБНОЕ.....	56
ПАСХА.....	57
ПОЛЯНА. СЛУХОМАНЬ.....	58
ВКУС ТИШИНЫ.....	59
ЧАЯННОЕ ЛЕТО.....	60
ЛИЛОВЫЙ ВЕЧЕР.....	61
НЕДЕЛЯ ВНЕ ИГРЫ.....	62
АВГУСТ.....	63

РИСОВАТЬ – ЭТО ТАК ИНТЕРЕСНО..

РИСОВАНИЕ.....	65
СМИРЕННЫЙ ВЕЧЕР.....	66
ИЗ ЖИЗНИ ТЕНЕЙ.....	67
НОЧКА.....	68
МОЛОЧНЫЙ ДЕНЬ.....	69

РАСПАХНУТЫЕ ДВЕРИ ГОРОДОВ

СВИДАНИЕ С ГОРОДОМ.....	71
ИЮНЬСКИЙ ГОРОД.....	72
ПАРИЖ.....	73
КИЕВ.....	74
У ЧЁРНОГО МОРЯ.....	75
СТАРЫЙ ГОРОД.....	76
МОЯ МОСКВА.....	77
КЕЙПТАУН.....	78

ДЕЖУРСТВО ПО ПАМЯТИ

ДЕЖУРСТВО ПО ДЕТСТВУ.....	80
МАГНИТ.....	81
КАШТАНЫ.....	82
АНТОНОВКА.....	83
РАССВЕТ НАД ПРИПЯТЬЮ.....	84
ИСХОД.....	85
НАКАНУНЕ.....	86
КУПОЛА.....	87
ГОРЬКИЙ ПРОЛОГ.....	88

ГЕНИИ – ПРОМЫСЛ ВЕЧНОСТИ

ИНОХОДЦЫ.....	91
ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ.....	92
ГОЛОС ЭПОХИ.....	93
КАПЛЕЙ ВОСКА.....	94
СОНЕТ.....	95

У МУЗЫКИ В ГОСТЯХ

НОТЫ.....	97
СМЫЧОК И СКРИПКА.....	98
РОЯЛЬ.....	99
АНДАНТЕ.....	100
ФАНДАНГО.....	101
КЛУБОЧЕК.....	102

АБСТРАКТНОЕ

АСТРАКТНОСТЬ.....	104
ПЯЛЬЦЫ.....	105

НИ НА КРАСНОЕ, НИ НА ЧЁРНОЕ

МАРАФОН.....	107
ДВА ЯЗЫКА.....	108
В КРАЮ НЕПУГАНОВОГО САЛА.....	109
ПОДСТРОЧНАЯ ДОСЛОВНОСТЬ.....	110

СТИХАМИ О СТИХАХ

СТИХИ.....	112
НАПОПОЛАМ.....	114
КРАСКИ СЛОВ.....	115
СОБУТЫЛЬНИК.....	116
НЕ СПЕША.....	117
НАПЕРЁД.....	118

ОТ ШЕСТНАДЦАТИ И МЛАДШИМ

ЁЖИК.....	120
ЩЕНОК.....	121
КОТ В МОЛОКЕ.....	122
МЕЧТА.....	123
ЛЕШИЙ.....	124
ПЕРЕД ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТОЙ.....	125
УРОН.....	126
КУ-КУ.....	127
ПОНИ.....	128
ЗВЕРЮШКИНЫ ЧАСТУШКИ.....	129
МАЛОВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ.....	130
МАДАГАСКАР.....	132
ДОМАШНЯЯ РАБОТА.....	133
БОЛТАЛИВЫЙ СЛОН.....	134
ПЕСЕНКА ПРО ДОЖДИК.....	135
СОНЯ.....	136
НЕПОСЕДА.....	137
ЗАПЛАТКА.....	138
ДРУЗЬЯ.....	138
ЧЕХАРДА.....	139
МУХОМОР.....	139
ПРЯТКИ.....	140
БОЖЬЯ КОРОВКА.....	141
ПРОСТАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	142

ЖИТЕЙСКОЕ

ПУТЁВКА.....	144
В ШЕСТЬ ПОПОЛУДНИ.....	146
СНЫ О МАДРИДЕ.....	147
ПРОТЕС.....	148
ГОРА.....	149

ЗАКОНЫ РОСТА.....	150
ИНКЛЮЗИВ.....	151

И НЕ СКАЗКА, И НЕ ЛОЖЬ

ЧЁРТОВА МЕЛЬНИЦА.....	153
ПРИНЦЕССА УТРА.....	154
ТАВРОМАХИЯ.....	155
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ.....	157

НА НЕПОРОЧНОЙ ПЛОСКОСТИ ЛИСТА-

МОЛЧАНЬЕ – ЗОЛОТО.....	160
УЧИТЕЛЮ.....	161
ДУЭЛЬ.....	162
ПАДАЕТ СНЕГ.....	163
ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА.....	164
ДВОЕ.....	165
АМНИСТИЯ.....	166
СНЫ НАОЩУПЬ.....	167
ЧЕЛОВЕЧЕК.....	168
ВЕТО.....	169
ОСЕНЬ.....	170
КОННИТИВА.....	171
ПОПУТЧИЦА.....	172
НЕДУГ.....	173
ОБЫЧНЫЙ АНГЕЛ.....	172
ФАТАЛЬНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ.....	173
ДИПТИХ.....	176
ВЕТЕР.....	177
КОГДА СУДЬБЫ ЗАКОНЧИТСЯ КИНО.....	178
БУРАН.....	179
АУТОДАФЕ.....	180
БУМАЖНОЕ СЧАСТЬЕ.....	181
ВЫБОР.....	182
БЫТЬ!.....	183
ПОНЕДЕЛЬНИК.....	184
ТОПОЛИНЫЙ ПУХ.....	185
ИСКРЕННЕ.....	186

Литературно-художественное издание
(на русском языке)

Алоев
Василий Михайлович

ЭТОТ МИГ
стихотворения

В авторской редакции

Макет обложки и вёрстка Кудрявцева И. О.
Формат 84 x 108 1/32. Тираж 800 экз. Зак. № 336
Бумага 80 офсет. Печать офсетная. Усл. печ. стр. 16,15
Гарнитура “ArnoPro”.

Подписано к печати 15. 06. 2016 г.

Издатель Федоров О.Н.,

“Друкарский двор Олега Фёдорова”

Адрес: а/я24, Киев-205, 04205, Украина,

e-mail: relaks-oleg@yandex.ru

Свидетельство о внесении

в Государственный реестр издателей,
изготовителей и распространителей печатной продукции
серия ДК № 3668 от 14.01.2010 г.

Отпечатано в типографии “Издательство “Феникс”

Адрес: 03680, ул. Шутова, 13-Б, г. Киев

Свидетельство о внесении

в Государственный реестр издателей,
изготовителей и распространителей печатной продукции
серия ДК № 271 от 07.12.2000 г.